

О. А. ЛОСИК

**НА ОСТРИЕ
БРОНЕВОГО УДАРА**

55 лет
Великой Победы

**Моим сослуживцам – танкистам,
павшим в сражениях
и живым,
посвящаю**

О.А. Лосик

Лоскут

О.А. ЛОСИК
Маршал бронетанковых войск
Герой Советского Союза

НА ОСТРИЕ БРОНЕВОГО УДАРА

Записки командира
гвардейской танковой бригады

Друзья-товарищи, глубоко уважаемому
полковнику Зубареву Михаилу Александровичу
На добрую память о многолетней совместной
службе (на фронте и после войны) по защите
нашей любимой Родины.

С наилучшими пожеланиями.

Герой Советского Союза, Маршал
Бронетанковых войск О. Лосик

30 мая 2000.
Москва

Москва
Издательство «Русь РКБ»
2000

Чаша 26 мар 2006
тау. тк

Эта книга написана на основе личных воспоминаний автора и с использованием ряда изданий.

Автору посчастливилось в 1944 году участвовать в Белорусской стратегической операции «Багратион» в качестве командира 4-й гвардейской танковой бригады 2-го гвардейского танкового корпуса. Совершая рейд, бригада первой ворвалась в Минск и решительными боевыми действиями совместно с другими частями освободила столицу Белоруссии от гитлеровских оккупантов, за что была удостоена почетного наименования Минской и награждена орденом Красного Знамени.

В честь героических освободителей в Минске на площади вблизи Дома офицеров на постаменте установлен танк бригады с благодарственной надписью (на обложке книги).

Автор надеется, что книгу с интересом прочтут слушатели и преподаватели военных училищ и академий, а также широкий круг читателей.

*Книга издана в авторской редакции.
Литературная запись В.Х. Казьмина.*

**Автор выражает благодарность полковнику
Р.Ш. Латыпову и Председателю Правления Российского
союза ветеранов Афганистана, депутату Государственной
Думы Ф.А. Клишчевичу за оказанную финансовую
поддержку в создании данной книги.**

ISBN 5 - 86273 - 030 - 3

Лосик О.А. На острие броневго удара. - М.: 2000, - 128 с.

Компьютерная верстка А. Ширманов

Технический редактор Г.Г. Гаврилова

Корректоры Г.Н. Рынькова, О.В. Антюшина

Подписано в печать 28.04.2000

Печ.л. 8. Тираж 1 000 экз.

Издательство «РУСЬ-РКБ». 129110, Москва, Олимпийский пр-т, д.20

ЛР №065702 от 03.03.98

ОБ АВТОРЕ

Олег Александрович ЛОСИК родился в 1915 году в семье сельских учителей. В 1935 году, после окончания в городе Славянске (Донецкая область) железнодорожной школы ФЗУ по специальности помощника паровозного машиниста, был направлен на учебу в 1-е Саратовское Краснознаменное танковое училище. Окончив его в 1938 году, проходил службу в Ленинградском военном округе, участвовал в советско-финляндской войне. За отличие в боях на Карельском перешейке получил первую боевую награду – орден Красной Звезды. Участник Великой Отечественной войны с первого ее дня и до победного конца. Воевал в частях, действовавших в составе Юго-Западного, Сталинградского, Донского, Западного и 3-го Белорусского фронтов. В 1943 году командовал 119-м отдельным танковым полком, который при освобождении от оккупантов города Ельни первым ворвался в него и получил за это почетное наименование – Ельнинский, а командир был награжден орденом Суворова III степени.

Осенью 1943 года О. Лосик назначен на должность командира 4-й гвардейской танковой бригады. Летом 1944 года в ходе Белорусской операции его бригада, действуя в составе 2-го гвардейского Ташинского танкового корпуса, совершила рейд по тылам противника и первой ворвалась в город Минск. За освобождение от оккупантов столицы Белоруссии получила почетное наименование Минской, а ее командир удостоен звания Героя Советского Союза. В городе-герое Минске, у Дома офицеров, установлен танк Т-34-85 этой бригады с благодарственной надписью.

До войны О.А. Лосик командовал учебным танковым взводом и танковой ротой, на фронте — танковым полком и бригадой; после войны — механизированной дивизией, стрелковым корпусом, общевойсковой армией, войсками Дальневосточного военного округа, возглавлял Военную академию бронетанковых войск. Был военным советником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны. В 1950 году окончил Военную академию Генерального штаба с золотой медалью. Профессор, почетный академик Академии военных наук.

Герой Советского Союза маршал бронетанковых войск О. Лосик награжден пятнадцатью орденами, в том числе орденом Жукова, и девятнадцатью медалями, а также имеет четыре ордена и ряд медалей иностранных государств. Почетный гражданин города-героя Минска, городов Ельни, Ярцева и Славянска.

Олег Александрович Лосик ныне — председатель Клуба кавалеров ордена Жукова при Московском Доме ветеранов войн и военной службы.

ПЕСНЯ ТАЦИНЦЕВ

Сл. Г. ФРОЛОВСКОГО, муз. Г. ПРАГИНА

В степях Сталинграда густые снега,
Дороги метель заметает.
Товарищ, сегодня идем на врага,
Атаки пора наступает.

Припев:

Вперед, тацинцы, вперед,
За край дорогой, за народ!
Наша слава – гвардейское знамя,
Ленин к Победе ведет!

Пусть девушки песни сегодня поют
О славных делах в поле чистом,
Ведь сердце не дрогнет в жестоком бою,
Орлиное сердце танкиста.

Припев.

Гвардейская слава летит по земле,
Летит точно звонкая птица.
По грозным ударам, по белой стреле
Враги узнавали тацинцев.

Припев.

В глубоких сугробах и в знойной пыли,
Сквозь рвы, и преграды, и мины
От стен Сталинграда до вражьей земли
Прошли боевые машины.

Припев.

РЕЙД «БЕЛЫХ СТРЕЛ» *

Вячеслав КАЗЬМИН.
полковник

По толям белорусским шли вперед,
Лесами продирались неуклонно...
Чтоб сокрушить войск вражьи оборону,
Под Оршей танки ринулись в поход.

На грозных башнях – белая стрела,
Тацинцев натиск гитлеровцам страшен.
На подвиг доблесть ратная вела,
А мужеством полны гвардейцы наши!

С предместья враг отброшен, с ходу сбит
Броней уже пылающего танка.
Его, как сердце огненное Данко,
В бою за мост пронес Сережа Митт.

Взорвался танк, фашистов разметав...
За гибель боевого экипажа
Колонны вражьи жгли мы так, что сажа
Вздымалась в небо тучами в сто глав.

Мосты, мосты... В огне – Березина.
Настил горит. Взрывчатка – на опорах...
И яркий подвиг доблестных саперов –
За ними наших танков шла волна.

Когда снарядам не хватало сил,
Хрипя сквозь зубы: «Получайте, гады!» –
Тараном «тигры» Фроликов рубил.
Он в Минск ворвался первым из бригады.

За ним пошла, разя врага в упор,
На острие стального авангарда
Четвертая гвардейская бригада –
И Минской называется с тех пор!

* Начертанная на башне танка белая стрела – опознавательный знак 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса.

ВВЕДЕНИЕ

Белорусская наступательная операция 1944 года... Проведенная в период с 23 июня по 29 августа по плану под кодовым наименованием «Багратион» (названа так по предложению Верховного Главнокомандующего И. Сталина в честь полководца — героя Отечественной войны 1812 года генерала от инфантерии Петра Ивановича Багратиона), она вошла в историю как одна из наиболее крупных стратегических операций Великой Отечественной войны, да и всей второй мировой. По своему пространственному размаху и количеству участвовавших в ней сил и средств обеих воюющих сторон операция «Багратион» превосходит все предшествующие ей.

К лету 1944 года линия фронта на белорусском направлении изгибалась так, что образовался огромный выступ на восток. Этот «восточный балкон», как его называли сами гитлеровцы, ставка фюрера считала важным стратегическим плацдармом. Удерживая его, вермахт сохранял возможность прикрывать подступы к Польше и Восточной Пруссии, обеспечивать устойчивое положение своим войскам в Прибалтике и Западной Украине. А довольно развитая сеть железных и шоссейных дорог позволяла не только маневрировать силами и средствами, но и поддерживать стратегическое взаимодействие групп армий «Север», «Центр» и «Северная Украина». К тому же «балкон» нависал с севера над расположением войск советского 1-го Украинского фронта, мешая их дальнейшему продвижению на запад угрозой фланговых ударов. На аэродромах Белоруссии базировался ряд авиационных частей люфтваффе.

Поэтому германское командование стремилось любой ценой удержать белорусский выступ, подготовив его к упорной обороне главным образом с привязкой своих дивизий к так называемым ук-

репленными районам, которые были созданы по примеру крепостей и фортов прошлых войн (замысел был заимствован Гитлером из практики первой мировой войны, особенно из опыта сражений за Верден). Главными «крепостями» гитлеровцы объявили города Слуцк, Бобруйск, Могилев, Оршу, Витебск и Полоцк, выделив для их обороны по одной армейской дивизии, а для Витебска — даже три. Но и в глубину на 250—270 км простирались мощные оборонительные рубежи и полосы, причем на первом рубеже были сосредоточены до 80 процентов личного состава и боевой техники группы армий «Центр». Этой группе, возглавляемой генерал-фельдмаршалом Э. Бушем, отводилась главная роль в действиях на «восточном балконе». Здесь на рубеже в 950 км по фронту были сосредоточены 3-я танковая, 4, 9 и 2-я армии — в целом 50 дивизий и три бригады. На стыках с группой армий «Центр» оборону держали соединения 16-й армии, входившей в группу армий «Север», а также 4-я танковая армия из «Северной Украины».

Таким образом, на белорусском направлении войскам Красной Армии противостояли в общей сложности 63 дивизии, насчитывавшие 1,2 млн. человек, 900 танков и самоходных штурмовых орудий, 9500 полевых орудий и минометов. С воздуха эти войска поддерживала эскадра 6-го воздушного флота генерала Р. Грейма, имевшая 1350 боевых самолетов. К тому времени уже было очевидно, что, утратив ударную стратегическую инициативу, германские войска перешли к оборонительной стратегии.

По замыслу Ставки советского Верховного Главнокомандования, войскам четырех фронтов (1-го Прибалтийского, 3. 2 и 1-го Белорусских — всего 2,4 млн. человек), где в составе 19 общевойсковых и двух танковых армий, 14 танковых, механизированных и кавалерийских корпусов удалось в основном скрытно сосредоточить 5200 танков и САУ, 3600 полевых орудий и минометов, предстояло одновременным наступлением при поддержке 5300 боевых самолетов, а также соединений белорусских партизан (150 бригад и 49 отдельных отрядов) взломать оборону противника на шести направлениях, уничтожить его фланговые группировки в районах Витебска и Бобруйска, а затем сходящимися ударами 3-го и 1-го Белорусских фронтов на Минск при фронтальном наступлении 2-го БФ окружить и разгромить главные силы группы армий «Центр». В дальнейшем требовалось развить наступление на запад, к границам Восточной Пруссии (см. схему 1).

Маршал Советского Союза (с 1945 года – Генералиссимус Советского Союза)
И. В. Сталин

Представитель Ставки ВГК на 1-ом и 2-ом Белорусских фронтах – заместитель
Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г.К. Жуков

Представитель Ставки ВГК на 1-ом Прибалтийском и 3-ем Белорусском фронтах –
начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский

Командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал армии Иван Данилович Черняховский (в прошлом – танкист)

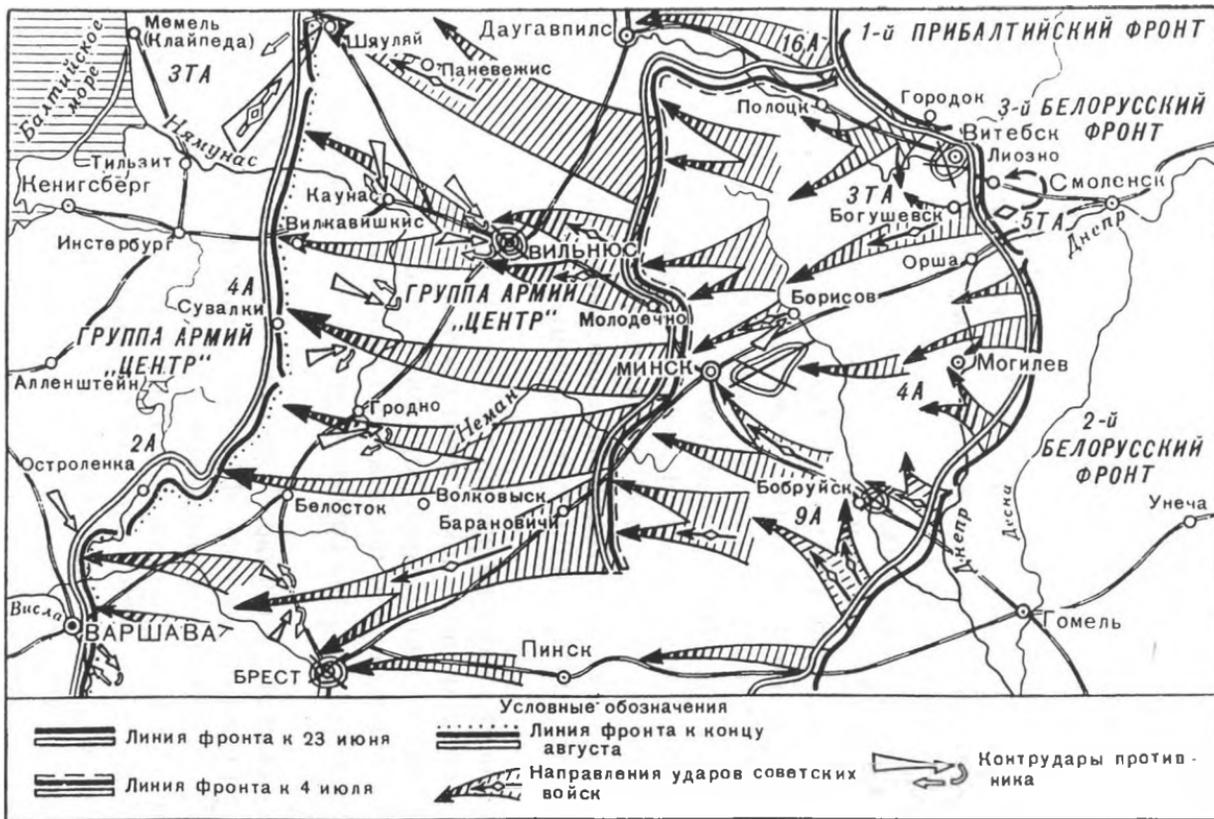

Схема 1. План и динамика Белорусской операции. Июнь 1944 г.

Этот грандиозный замысел был реализован блестяще, причем благодаря нашему превосходству не только в количестве сил и боевых средств, но и прежде всего в военном искусстве. Превосходству, проявленному на всех уровнях, — от Ставки ВГК до подразделений, а также благодаря боевому мастерству, храбрости и самоотверженности наших бойцов и командиров. В ходе разгрома сильного и жестокого врага замечательно проявились дружба и единство народов нашей великой многонациональной страны и ее армии.

В ходе проведенной нашими войсками операции «Багратион», состоявшей из Витебско-Оршанской, Могилевской, Бобруйской, Полоцкой, Минской, Шяуляйской, Вильнюсской, Каунасской, Белостокской и Люблин-Брестской операций, вермахт лишился почти полумиллиона своих солдат и офицеров, при этом безвозвратные потери составили 255,4 тысячи человек, а в плен попали более 200 тысяч гитлеровцев. В Белоруссии советские войска полностью уничтожили 17 дивизий и три бригады противника, еще 50 дивизий потеряли более 50 процентов своего боевого состава. К концу августа войска Красной Армии, продвинувшись к западу на 550–600 км и расширив фронт боевых действий до 1100 км, освободили от фашистских захватчиков почти всю (80 процентов) территорию Белоруссии, четвертую часть территории Польши, часть Литвы и Латвии. форсировали реки Нарев и Вислу и подошли к границам Восточной Пруссии.

Операция «Багратион» внесла значительный вклад в развитие стратегии, оперативного искусства и тактики, обогатила военное искусство новыми способами и формами ведения боевых действий. особенно с применением подвижных войск, а главное — опытом окружения и уничтожения крупных группировок врага в короткие сроки.

Белорусская операция характерна уже тем, что в ходе ее подготовки была проявлена высокая эффективность планирования на всех уровнях при строжайшем сохранении в тайне времени и направления главных ударов. Это достигалось путем принятия ряда особых мер, включая разностороннюю дезинформацию противника. В результате германское командование было введено в заблуждение и просчиталось: ожидая нашего наступления на юге Полесья, оно сосредоточило там большие силы, оставив на центральном участке фронта лишь 10 танковых и моторизованных дивизий из 34 таких соединений, имевшихся на всем Восточном фронте и в резерве ОКБ

(верховного командования вермахта), а впоследствии перегруппировать свои войска для отражения наших ударов уже не успевало. Тем временем наше Верховное Главнокомандование создало в Белоруссии почти шестикратное превосходство в танках и САУ. Это ярко свидетельствовало, во-первых, о возросших возможностях советских Вооруженных Сил, оснащенных всем необходимым благодаря поразительному по своей самоотверженности труду советского народа в тылу, а во-вторых — о возросшем уровне военного искусства советского командования.

Поскольку в стратегической операции решающее значение обретали быстрота и стремительность наступления, фронты по плану «Багратион» были дополнительно усилены в необходимом количестве танковыми частями и соединениями. Так, Ставка ВГК передала из своего резерва в состав 1-го Прибалтийского фронта 1-й танковый корпус, в состав 3-го БФ — 2-й гвардейский танковый и 3-й гвардейский механизированный корпуса, 1-го БФ — 1-й гвардейский танковый, 9-й танковый и 1-й механизированный корпуса (на левое крыло фронта) и 11-й танковый корпус (на правое крыло). Кроме того, из состава 2-го Украинского фронта были передислоцированы в полосу 3-го БФ 5-я гвардейская танковая армия и на левое крыло 1-го БФ — 2-я танковая армия.

Вместе с тем фронты были усилены значительным количеством отдельных танковых и самоходно-артиллерийских соединений и частей, предназначавшихся главным образом для непосредственной поддержки стрелковых войск.

У нас к тому времени на основе творческого изучения и анализа трехлетнего опыта ведения войны выработалось достаточно четкое представление об эффективных способах боевого применения танковых войск, и оно нашло концентрированное отражение в новых боевых уставах, введенных в феврале 1944 года. Командование фронтов, командиры и штабы участвовавших в боях соединений сделали важные выводы из итогов операций 1943 года. Создание танковых армий и корпусов позволило намного увеличить темпы наступления, наносить глубокие рассекающие удары, стремительно преследовать противника, более эффективно осуществлять маневры во фланг и тыл врага. Развитие танковых войск способствовало к повышению подвижности и ударной силы сухопутных войск, создавало большие предпосылки для смелых, внезапных для врага действий.

Наше военное искусство обогатилось в ходе Белорусской операции прежде всего умением командования сосредоточивать усилия своих войск на решающих участках фронта и наилучшим образом использовать подвижные войска, в которых решающая роль отводилась бронетанковым соединениям и конно-механизированным группам (КМГ). Танковые армии, все отдельные танковые и механизированные корпуса (последние входили в состав КМГ) использовались в качестве подвижных групп фронтов и армий. Так, на 1-м Прибалтийском фронте для этой цели предназначался 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск В.В. Буткова. На 3-м БФ были созданы две подвижные группы: 5-я гвардейская танковая армия под командованием маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова и КМГ (3-й гвардейский кавалерийский и 3-й гвардейский механизированный корпуса), которой командовал генерал-лейтенант Н.О. Осликовский. На 1-м БФ были созданы также две подвижные группы: 2-я танковая армия генерал-полковника танковых войск С.И. Богданова и КМГ (4-й гвардейский кавалерийский и 1-й механизированный корпуса) под командованием генерал-лейтенанта И.А. Плиева. На 2-м БФ, не имевшем в своем составе танковых армий и корпусов, подвижная группа была создана из двух танковых бригад, стрелковой дивизии и самоходно-артиллерийского полка.

Все отдельные танковые корпуса (кроме 1тк на 1-м ПрибФ) по плану операции «Багратион» действовали в качестве подвижных групп общевойсковых армий, наступавших на направлениях главных ударов фронтов. Так, 2-й гвардейский танковый корпус гвардии генерал-майора танковых войск А.С. Бурдейного представлял собой подвижную группу 11-й гвардейской армии; 9-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск Б.С. Бахарова — 3-й армии; 1-й гвардейский танковый корпус, которым командовал гвардии генерал-майор танковых войск М.Ф. Панов. — 65-й армии, а 11-й танковый корпус (командир генерал-майор танковых войск Ф.Н. Рудкин, с 15.07.44 — генерал-майор танковых войск И.И. Ющук) — 8-й гвардейской армии (см. схему 2).

Характерная особенность в применении подвижных войск заключалась в том, что отдельные танковые корпуса — подвижные группы армий предусматривалось использовать для завершения прорыва тактической зоны обороны противника и обеспечения ввода в прорыв подвижных групп фронтов, т.е. танковых армий и КМГ. При этом

планировался последовательный ввод подвижных групп в сражение. К примеру, 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус (подвижная группа 11-й гвардейской армии) предусматривалось ввести в сражение в первый день операции, а на четвертый на том же направлении должна была войти 5-я гвардейская танковая армия — подвижная группа фронта.

Автору этих строк, в ту пору 28-летнему офицеру, довелось. можно сказать посчастливилось, принять участие в боевых действиях Белорусской наступательной операции на всех ее этапах, будучи командиром 4-й гвардейской танковой бригады, действовавшей в полосе наступления 11-й гвардейской армии 3-го БФ на острие броневангарда, каким, по сути, стал наш 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус, особенно в период прорыва к Минску и освобождения столицы Белоруссии от оккупантов. Боевые машины бригады первыми ворвались в город, огнем, броней и гусеницами разметали заслоны врага и расчистили путь для основных сил. За мужество, боевую дерзость и самоотверженность, проявленные гвардейцами-танкистами при освобождении от гитлеровцев столицы Белоруссии, бригада была удостоена почетного наименования Минская, затем за отличия в дальнейших сражениях операции «Багратион» награждена орденом Красного Знамени. А за решительный прорыв к границам Восточной Пруссии — орденом Суворова II степени.

В предлагаемом вниманию читателей военно-историческом очерке на фоне хода Белорусской операции довольно обстоятельно освещен боевой путь именно 4-й гвардейской танковой бригады. Вместе с тем немало внимания уделено показу действий остальных частей 2-го гвардейского Тацинского Краснознаменного ордена Суворова танкового корпуса на всех этапах проведения операции. Разумеется, боевая деятельность бригады, да и в целом Тацинского корпуса, в мощном широкоохватном потоке сил фронта, сметающем на своем пути рубежи и очаги сопротивления все еще сильного врага, представляет собой лишь небольшой, хотя и отнюдь не слабый ручеек. Но как в капле росы отражается широкая панорама окружающего мира, так и в действиях 4-й гвардейской бригады, ее подразделений и экипажей видны характер и боевой накал ожесточенных сражений, элементы обретенного боевого опыта и мастерства, примеры боевой инициативы и самоотверженного героизма воинов-гвардейцев.

Убежден, что многие из оперативно-тактических приемов, оправдавших себя в ходе операции «Багратион» и всей Великой Отечественной войны, сохраняют свое значение и в современных условиях. Опыт прошлого в значительной мере может быть использован для подготовки и воспитания офицерских кадров как в военно-учебных заведениях, так и в войсках.

Выпускники 1-го Саратовского Краснознаменного танкового училища лейтенанты
Н.Петров (слева) и О.Лосик. 1938 год

Лето 1943 года. Офицеры штаба и управления 119-го отдельного танкового полка.
Во втором ряду в центре – командир полка подполковник О. Лосик. Полк
отличился в августовских боях за овладение городом Ельня

Командир (в центре второго ряда) и офицеры штаба 4-й гвардейской танковой бригады 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Конец 1943 г.

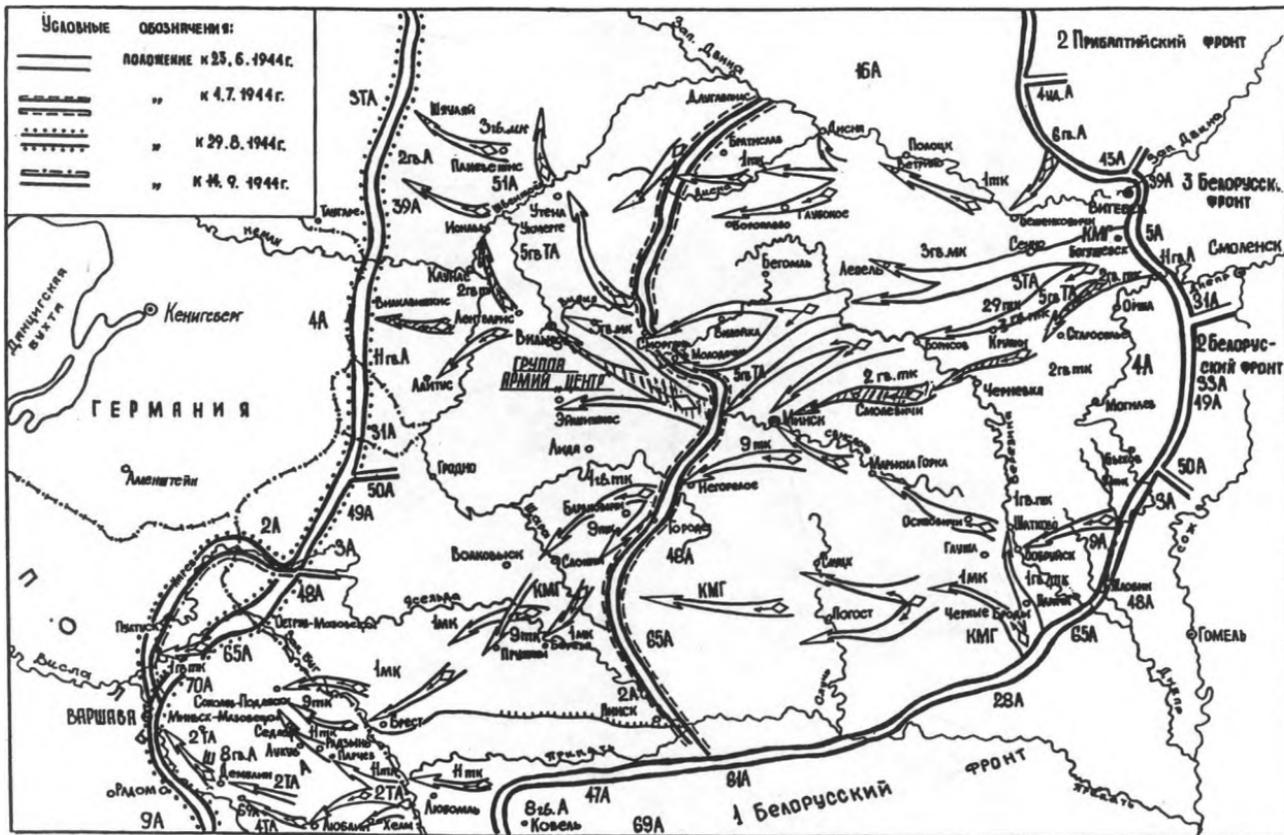

Схема 2. Танковые войска в Белорусской операции 1944 г.

В ПРОРЫВ СЕВЕРНЕЕ ОРШИ

Ожидание оказалось не напрасным.

— Товарищ гвардии полковник, разрешите доложить: разведчики вернулись. Проникли вместе с передовыми батальонами 26-й гвардейской стрелковой дивизии почти до Острова Юрьева. Подтверждают: проход наших танков болотами там вполне возможен...

Этот доклад, поступивший 24 июня вскоре пополудни мне, в ту пору командиру 4-й гвардейской танковой бригады, был очень обнадеживающим. И я испытал чувство признательности к своему начальнику штаба гвардии подполковнику Павлу Чепкову за столь желанное сообщение. Хотя как раз на такой результат и возлагал надежды, а разведку посылал, чтобы лишний раз в этом убедиться. Опыт подсказывал, что нужно искать пути прорыва в тыл врага через леса и болота, считавшиеся вообще-то непроходимыми для тяжелой техники.

Кстати, этот опыт нашел отражение в моей боевой практике в действиях 119-го отдельного танкового полка, которым мне довелось командовать в 1943 году, в период проведения Ельнинско-Дорогобужской (часть Смоленской) операции войск Западного фронта. Полк был придан 29-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал гвардии генерал-майор А.Т. Стученко. Наши саперы ночью скрытно сняли мины на заболоченном участке местности в полосе нашего наступления, и танки полка без потерь вышли в тыл узла сопротивления гитлеровцев (Гнездилово), в результате чего был завершён прорыв вражеской обороны и развит успех на смоленском направлении.

Ельню мы освободили 30 августа, ворвавшись в город первыми, а на следующий день приказом Верховного Главнокомандующего **всем** войскам Западного фронта, участвовавшим в операциях на

смоленском направлении, в том числе двум танковым бригадам (25-й и 26-й) 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса и 119-му отдельному танковому полку, удостоенным почетного наименования Ельнинских, была объявлена благодарность «за отличные боевые действия и умение маневрировать» (подчеркнуто мной. – О.Л.). Нечего скрывать, очень приятно было услышать свою фамилию в числе тех, чьи умелые действия И. Сталин отметил особенно. Гордостью наполнялось сердце и от сознания того, что мы освободили от оккупантов родину советской гвардии: ведь именно здесь два года назад, 18 сентября, 4 отличившиеся стрелковые дивизии первыми были удостоены наименования гвардейских.

Вскоре после освобождения Ельни я получил орден Суворова III степени и повышение – был назначен командиром 4-й гвардейской танковой бригады Тацинского корпуса, прославившего себя знаменитым рейдом на завершающем этапе Сталинградской битвы: прорвавшись в станицу Тацинскую, танки корпуса уничтожили там на аэродромах около 300 вражеских самолетов. Новому назначению я, безусловно, был рад. Прибыв на КП корпуса, по всей форме представился командиру гвардии генерал-майору танковых войск Алексею Семеновичу Бурдейному:

– Товарищ гвардии генерал, подполковник Лосик прибыл в ваше распоряжение на должность командира 4-й гвардейской танковой бригады.

В землянке командного пункта в ту пору находились все заместители командира корпуса. Они как-то подозрительно переглянулись, но ни словом, ни жестом не выразили полагающейся внимательности к прибывшему. От такой встречи явно тянуло холодком. Неловкую паузу прервали выплеснутые на меня, как ушат холодной воды, слова комкора:

– А мы вас не просили...

Ошеломленный таким «приемом», я на пределе своей выдержки спросил:

– Тогда разрешите вернуться в штаб фронта?

– Не горячись, – чуть смягчил тон Алексей Семенович и закончил, обратившись теперь к начальнику штаба корпуса полковнику А.Ф. Каравану: – Вызовите офицера связи бригады, пусть он ответит нового командира к месту назначения.

Когда в землянку спустился офицер связи в звании капитана, я спросил у комкора разрешение отъехать и, получив его, отправился в расположение бригады, которая вскоре станет мне родной. Для

начала собрал руководящий состав. Выяснилось, что мой предшественник несколько дней назад был ранен и теперь находился в госпитале, а должность заместителя командира бригады пока вакантная. Так что о состоянии бригады мне доложили начальник штаба гвардии подполковник П. Чепков и заместитель по политчасти гвардии подполковник А. Крыжановский. Дополняли их сообщения необходимыми конкретными данными заместитель по технической части гвардии полковник Эпштейн и заместитель по тылу гвардии полковник Самарин. Затем Чепков ознакомил меня с боевой задачей, которую предстояло выполнить уже на следующий день. Дальнейшее представление о личном составе бригады я получил непосредственно в ходе боевых действий.

А причину столь холодного приема на КП корпуса мне открыли позже. Так сказала статья в газете «Правда», опубликованная незадолго перед тем под заглавием «Как была взята Ельня». В ней было слишком много уделено внимания действиям 119-го отдельного танкового полка под моим тогда командованием, а о бригадах Тацинского корпуса, отличившихся в наступлении на том же направлении, было упомянуто лишь в нескольких словах. Однако моей вины в том нет — статью написал военный корреспондент по материалам, полученным в вышестоящем штабе. Тем не менее обида тацинцев из-за такой несправедливости невольно вылилась поначалу на меня.

Эта обида быстро забылась после ряда успешных боевых действий бригады под моим командованием еще осенью 1943 года. опережая ход излагаемых событий, хочу добавить, что летом 44-го под влиянием боевых успехов, достигнутых в ходе Белорусской операции, Бурдейный, как потом сам признался, просто полюбил меня. И мы стали друзьями на всю оставшуюся жизнь.

Самое приятное впечатление осталось от встречи с начальником политотдела корпуса гвардии полковником Иваном Александровичем Чернышевым, кстати, добрейшей души человеком, хорошо знакомым мне еще с 1942 года. В ту пору я был начальником разведки 10-й танковой бригады, а он, будучи инспектором одного из отделов в штабе БТиМВ (бронетанковых и механизированных войск) Юго-Западного направления, проверял наши действия. Однажды он отправился вместе со мной на одиночном танке по вызову в штаб соединения. Близ станции Ржава (севернее Харькова) мы наткнулись на вражескую пехотную колонну, растянувшуюся по шляху более чем на километр. Я принял дерзкое решение вступить в неравный

бой. По моей команде экипаж с ходу атаковал противника пушечно-пулеметным огнем, разгромил и разогнал колонну. Подобрал несколько офицерских сумок с документами, мы доставили их в штаб.

Видимо, Чернышев поделился своими воспоминаниями об этом и других подобных эпизодах с моим участием в боях самого трудного периода войны, что несомненно сыграло положительную роль в подъеме авторитета молодого командира среди офицеров корпуса и бригады. Я же действительно в ту пору был молодым — 27 лет. Но мог бы «примерить» на себя известные строки поэта: «Как мало прожито, как много пережито». Войны ускоряют возмужание...

Летом 1944 года действия 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса развертывались на Оршанском направлении. И теперь в составе войск другого фронта: Западный фронт был преобразован в 3-й Белорусский.

Масштаб операции на белорусской земле оказался во всех отношениях гораздо крупнее, чем под Ельней и Смоленском. Тем не менее «умение маневрировать», отмеченное почти годом раньше в приказе ВГК, потребовалось здесь в еще большей мере...

Утром 23 июня, с наступлением четвертого года Великой Отечественной войны, на гитлеровские войска в Белоруссии обрушились мощные бомбовые удары, над лесами загрела грозная артиллерийская канонада. Они возвестили о начале наступательной операции, план которой получил кодовое наименование «Багратион». По сравнению со всеми предшествующими, это — самая крупная и результативная операция в ходе Великой Отечественной войны! Военные историки потом отметят, что результаты развернувшихся боевых действий превзошли даже самые смелые планы.

Непосредственно действиям по плану «Багратион» предшествовала партизанская рельсовая операция, начатая в ночь на 20 июня по указанию начальника Белорусского штаба партизанского движения П.З. Калинина, заблаговременно переданному по радио всем формированиям и подпольным организациям народных мстителей. «Битвой на рельсах» назовут историки широкомасштабные диверсии, проведенные партизанами за линией фронта в тылу врага. До рассвета они взорвали на всех дорогах важные мосты, разрушили и разобрали свыше 40 тысяч рельсов. Движение железнодорожного транспорта приостановилось почти полностью. Подвоз снабжения гитлеровским войскам был прерван во многих местах более чем на

сутки. В самое критическое время, когда вермахту особенно требовалось оперативное маневрирование войсками и вооружением, эшелоны передвигались со скоростью улиток и подолгу простаивали. Вместе с тем парализованными оказались не только железные дороги, но и линии телеграфной, телефонной связи, тянувшиеся вдоль дорог, — партизаны в тысячах мест оборвали провода, уничтожили столбы и взорвали многие узлы связи. Все это сыграло существенную роль в создании трагического для гитлеровцев положения, в каком они оказались в последующем под ударами войск наших четырех фронтов.

Генеральное наступление фронтов по разработанному Ставкой ВГК плану «Багратион», предусматривавшему одновременный прорыв обороны противника на шести участках, началось так. Войска 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала армии И.Х. Баграмяна (впоследствии Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза) наносили удар из района северо-западнее Витебска; войска 3-го Белорусского фронта, которыми командовал Герой Советского Союза генерал-полковник И.Д. Черняховский (спустя пять дней он станет генералом армии, а 29 июля получит вторую медаль «Золотая Звезда»), — южнее Витебска, на Оршу и Борисов; войска 2-го Белорусского фронта под командованием генерала армии Г.Ф. Захарова — на могилевском направлении, а войска 1-го Белорусского фронта под командованием генерала армии К.К. Рокоссовского (29 июля он, уже Маршал Советского Союза, будет удостоен звания Героя Советского Союза, а 01.06.45 — награжден второй медалью «Золотая Звезда») на правом крыле были нацелены в направлении Бобруйск — Минск.

Для согласования наступательных действий 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов Ставка ВГК выделила своего представителя — начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза А.М. Василевского, а для 2-го и 1-го Белорусских фронтов — заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

Фронтной судьбе было угодно, чтобы наш 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус оказался в авангарде освободительного рейда на Минск. А входившая в его состав 4-я гвардейская танковая бригада сражалась, особенно на подступах к Минску, на самом острие этого броневангарда. Да что судьба, если нередко крутые повороты событий в ходе операции «Багратион» были во многом

определены нашими же действиями. Так, командиры танковых формирований принимали и реализовывали смелые решения, искусно маневрировали, умело сосредоточивали силы на направлении главного удара, навязывали противнику свою волю. Мы руководствовались в тот период принципом: наступать там, где враг слабее и меньше всего ожидает удара. С этой целью непрерывно велась разведка, соблюдалась с возможной тщательностью маскировка, искусно применялись обходные маневры по труднопроходимой и даже помеченной на картах непроходимой для танков лесисто-болотистой местности. Танки скрытно для сопротивлявшегося врага выходили на фланги и в тыл его оборонительных рубежей, перерезали важные коммуникации, внезапно обрушивались на гитлеровцев, уничтожая узлы их сопротивления на всем боевом пути к Минску и дальше до Вислы — границы с Восточной Пруссией.

Так выглядела картина нашего наступления в июне — августе 1944 года. В целом — отрадная для нас. Но в своих «фрагментах» — отдельных сражениях и боевых эпизодах — она изобиловала напряженными моментами, острыми ситуациями.

Надо вспомнить, что наш корпус, которым решительно и с большим знанием фронтового дела (войну встретил будучи командиром танкового полка, а в период знаменитого Тацинского глубокого рейда 1942 года в тыл врага был начальником штаба корпуса) командовал талантливый военачальник — гвардии генерал-майор танковых войск А.С. Бурдейный, начал вести бои на белорусской земле еще глубокой осенью 43-го. Но тогда все попытки прорвать оборону гитлеровцев на Витебском и Оршанском направлениях оказались безуспешными. В зимний период корпус понес боевые потери, и к маю 44-го его вывели в резерв фронта на доукомплектование. Его танковые бригады теперь были развернуты до трехбатальонного состава. Каждая получила на вооружение по 65 новых тридцатьчетверок. Еще 35 таких танков имелось в резерве командира корпуса.

Модернизация среднего танка Т-34-85 с боевой массой в 32 тонны (конструкция была разработана под руководством М.И. Кошкина, А.А. Морозова и Н.А. Кучеренко) состояла прежде всего в том, что на нем была установлена новая пушка ЗИС-53 (создана в КБ В.Г. Грабина) под более крупный калибр унитарного патрона — 85 мм, чьи снаряды с дистанции до 1000 метров пробивали броню любой вражеской машины, не исключая тяжелого танка Т-VI «Королевский тигр». В конструкцию тридцатьчетверки было внесено и мно-

жество других усовершенствований. Основные из них: литые траки изготовлены из стали 27 СГТ вместо менее прочной стали Гадфильда, литыми стали и опорные катки; смотровая командирская башня выполнена в новой конструкции; установлены пятискоростная коробка перемены передач и эффективный воздушный фильтр «мультициклон»; увеличена емкость топливных баков, в результате чего дальность хода возросла с 370 до 420 км. В общем, машина стала мощнее и надежнее в бою.

При доукомплектовании корпуса в его состав также вошли 4-я гвардейская Смоленская мотострелковая бригада, 401-й и 1500-й самоходно-артиллерийские полки — по 21 артустановке соответственно типа СУ-85 и СУ-76.

Характерное обстоятельство: новые тридцатьчетверки мы получили в составе танковой колонны «Сибиряк», построенной на денежные средства, собранные трудящимися Иркутской области. И многие из экипажей боевых машин были сформированы тоже из сибиряков. Они прошли первоначальную подготовку в маршевых ротах, но боевой опыт имели лишь отдельные из них.

Назначение комбригом в столь прославленное соединение, как Тацинский корпус, я считал для себя почетным, а еще более того — ответственным. Ведь 4 гв. тбр вела свою историю от знаменитой Бессарабской кавалерийской бригады, сформированной в 1918 году легендарным героем гражданской войны Григорием Котовским. А в одном из ее полков, ставшим впоследствии основой танковой бригады, служил разведчиком Николай Островский, который затем после тяжелого ранения, будучи прикованным к постели и ослепшим, создал в 1932—1934 годах роман «Как закалялась сталь» — одно из лучших произведений социалистического реализма.

Боевую славу отцов танкисты 132-й бригады пронесли с доблестью в сражениях Великой Отечественной войны. Это они в ноябре 41-го, действуя под командованием полковника Г.И. Кузьмина, очистили от оккупантов Ростов-на-Дону и, преследуя врага, уничтожили и подбили 67 фашистских танков. За эти боевые заслуги 132 тбр 24.01.42 была преобразована в 4-ю гвардейскую танковую бригаду. Затем гвардейцы яростно громили врага в Донбассе, на Дону, у берегов Волги... В состав 24-го танкового корпуса (26.12.42 был преобразован во 2-й гвардейский и 27.01.43г. удостоен почетного наименования Тацинского) 4 гв. тбр вошла со времени его формирования — в мае 42-го.

ГЛАВНЫЕ КОНСТРУКТОРЫ СРЕДНИХ ТАНКОВ

М.И. Кошкин

А.А. Морозов

Замечательное создание – лучший в мире средний танк периода Великой Отечественной войны Т-34-85

БРОНЕТЕХНИКА ВЕРМАХТА

средний танк T-IV

тяжелое самоходное орудие „Фердинанд“

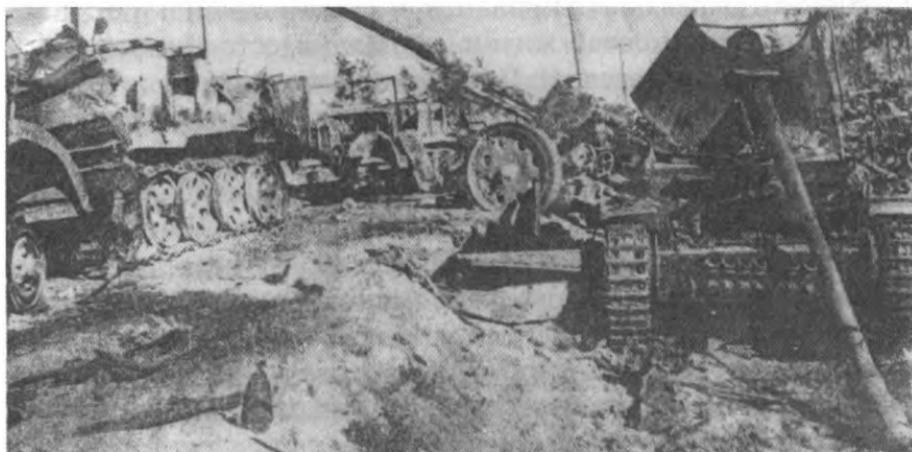
средний танк T-V „Пантера“

тяжелый танк T-VI (H) „Тигр“

тяжелый танк T-VI
„Норолевский тигр“

...И такое представляла она собой зрелище на дорогах Белоруссии под ударами наших тридцатьчетверок. Внизу справа уткнула свой «хобот» в землю тяжелая самоходка «Фердинанд»

Тацинский рейд... Первый в истории войны зимний танковый рейд в глубокий тыл врага! И 4-я бригада пошла тогда на прорыв в первом эшелоне корпуса. Пожалуй, мне нет необходимости вдаваться во все подробности и результаты этой замечательной боевой операции — публикаций о тех событиях достаточно много. Но о некоторых героических действиях все же следует напомнить.

Так, только в боях за станицу Скосырскую, превращенную противником в сильный опорный пункт на подступах к Тацинской, бригада уничтожила два танка, три орудия, 13 пулеметных точек, 8 автомашин и около тысячи вражеских солдат и офицеров. В плен были захвачены 215 гитлеровцев и в качестве трофеев — склад с оружием. А первым в станицу решительно ворвался экипаж гвардии старшины М. Сарионаки. Его тридцатьчетверка, с ходу раздавив противотанковое орудие и пулеметную точку, вслед за тем разгромила одну за другой несколько групп противника... С захватом Скосырской путь танковому корпусу в Тацинскую, где на аэродроме скопилось множество транспортных самолетов, предназначенных для оказания помощи окруженной группировке Паулюса, был по существу открыт.

Так же дерзко сражался отважный экипаж Сарионаки и в самой Тацинской, а позже, 07.01.43, в неравном бою под хутором Ново-Черкасским совершил бессмертный подвиг. Атакованная тремя танками противника тридцатьчетверка в считанные минуты подбила два из них. Но и сама загорелась от попадания вражеского снаряда. Тогда Сарионаки своим объятым пламенем танком таранил третью машину врага. Ценой своей жизни экипаж (вместе с командиром погибли механик-водитель И. Проскурин, наводчик орудия В. Глузгау и радист А. Проворный) обеспечил подразделению победу в бою.

В 4-й гвардейской это — не первый случай яркого проявления самоотверженности в бою. Осенью 41-го под Донецком неоднократно отличался смелостью и отвагой старшина С. Шаповаленко, командир взвода входившего в состав бригады мотострелкового батальона. В бою за город Барвенково Шаповаленко во главе взвода разведчиков пробрался в расположение противотанковой батареи противника и, уничтожив 8 артиллеристов, захватил 5 пушек. Следуя дальше, взвод уничтожил и два пулеметных гнезда. В конце января 42-го на Харьковщине отважный старшина, выполняя разведку боем, ворвался в расположение немецких войск и, выявив места огневых точек, уничтожил при этом до 30 гитлеровцев. А 7 февраля

там же, у села Степановка, гвардии старшина Шаповаленко в критический момент боя бросился с противотанковыми гранатами под головной вражеский танк. За этот подвиг Семен Тихонович был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно.

В наступательном периоде (с 12.07.43) Курской битвы 4 гв. тбр опять в броневангарде: в составе Тацинского корпуса, приданного 5-й гвардейской танковой армии, действовала в первом эшелоне этого объединения. В ходе контрнаступления танкисты бригады сражались отважно и мастерски. Особенно превосходно проявили себя механики-водители танков из числа ветеранов сражений. Они искусно маневрировали танком, преодолевая препятствия; своевременно докладывали командиру экипажа об обнаруженных целях, умело корректировали огонь пушки и пулеметов. Так, гвардии старшина В. Белькевич расчетливыми, быстрыми и точными маневрами на местности в районе Калининe здорово помог экипажу своей тридцатьчетверки расправиться с двумя тяжелыми вражескими танками Т-VI «Тигр». Не менее искусно действовали на поле боя гвардейцы — признанные мастера вождения танков Б. Цымбалюк, И. Чмиль, М. Басан, В. Селюков и ряд других.

В бою под Прохоровкой был подбит и, утратив ход, загорелся танк гвардии лейтенанта В. Казакевича. Члены экипажа, покинув машину, в длительном неравном бою при отражении сжимавших кольцо окружения гитлеровцев уничтожили их не один десяток, но и сами пали смертью храбрых. Оставшись один, Казакевич, когда расстрелял все патроны, бросился в танк и, задрав люк перед самым носом вражеских солдат, подорвал боекомплект, чтобы не попасть в плен. Взрыв разворотил броню, разметал множество фашистов. Так герой и своей смертью нанес большой урон ненавистному врагу.

Живой легендой 4-й гвардейской танковой бригады стал лучший в Тацинском корпусе механик-водитель гвардии старшина Иван Чмиль. Вождение тридцатьчетверки он освоил еще к весне 41-го, а в боевых действиях участвовал с первого месяца сражений против гитлеровских полчищ. За годы войны (забегая вперед: он прошел ее до победного конца) ему пришлось сменить 16 боевых машин, в том числе один тяжелый танк КВ. В танках Чмиль десять раз, говоря строкой известной солдатской песни, «горел, горел да не сгорел», бывал ранен и контужен, но всякий раз по выздоровлении возвращался в свой родной танковый батальон нашей бригады. Удостоенный двенадцати боевых наград, Иван Васильевич был знаменосцем во 2-м

гвардейском Тацинском танковом корпусе. А после полной Победы над гитлеровской Германией отважный танкист вернулся к мирному труду: ведь до войны он был представителем самой мирной профессии хлебороба-комбайнера. И после войны он трудился в народном хозяйстве так же достойно, как и воевал. В результате к боевым наградам тацинца прибавился трудовой орден Октябрьской Революции.

Всю войну прошел в 4 гв. тбр и другой бывалый механик-водитель тридцатьчетверки гвардии старшина Василий Селюков. Причем в составе «семейной династии», образованной в бригаде тремя братьями-танкистами, чье мужество и героизм отмечены множеством боевых наград. Василий был среди них младшим, а старшие братья Селюковы, Иван и Александр, успели первый боевой опыт обрести еще в 1939 году на Халхин-Голе, где участвовали в разгроме японских войск. В нашей же бригаде оба служили во 2-м танковом батальоне, где первый командовал танковой ротой, а второй — взводом. Все трое после войны вернулись к мирному труду.

Семейную танковую династию образовали также три брата Поповы: Федор, Иван и Никита. Был танкистом и четвертый их брат, Александр, но попал служить в другую часть, где, командуя танковой ротой, погиб в 41-м в районе Ельца. Поповы еще в училище образовали танковый экипаж. Войну встретили лейтенантами. Федор и Никита командовали танковыми ротами в батальоне, где Иван служил в должности начальника штаба. Батальон действовал в составе 11-й танковой дивизии (в сентябре 41-го из-за нехватки боевой техники и кадров была преобразована в 132 тбр) и первые бои с фашистами принял близ границы с Румынией, в тех именно районах, где в гражданскую родилась Бессарабская дивизия. Во всех ожесточенных сражениях начального периода войны братья проявили себя отважными и решительными командирами. Иван Григорьевич особенно отличился в боях у Днепра, но в июле 41-го погиб. Это случилось в бою под Воронежем. А Федор командовал уже танковым батальоном, когда в бою под Богучаром был тяжело ранен, потерял руку. Тем не менее через полгода, после госпиталя, стал в строй. Назначенный в танковое училище, умело готовил боевые кадры для фронта.

К Никите Григорьевичу фронтовая судьба отнеслась менее жестоко. Нет, он тоже бывал ранен. Даже трижды. Но всякий раз по излечении возвращался в родную бригаду и яростно мстил врагу за

своих братьев, за Родину. В 1943 году, когда командовал танковым батальоном, за проявленные мужество и героизм был награжден орденом Александра Невского, особенно почитаемой полководческой наградой. Забегая вперед, скажу, что Никита Григорьевич, встретив День Победы в звании гвардии майора, продолжал в послевоенный период службу в рядах Вооруженных Сил, стал генерал-лейтенантом, доктором военных наук, профессором Академии Генштаба...

Славные боевые традиции, героический боевой путь 4-й гвардейской танковой бригады обогатили прежде всего ее костяк — ветеранов суровым фронтовым опытом, «наукой побеждать». Какие же замечательные воины-патриоты, подлинные богатыри составляли боевое ядро прославленного соединения!

Такой бригадой командовать слабо я просто не имел права!

Держать равнение на ратные подвиги отцов и старших товарищей... Нацелить пополнение личного состава на этот ориентир доблести мне хорошо помогли заместитель по политчасти гвардии подполковник Андрей Крыжановский, вскоре ставший мне настоящим другом, и актив бригады. Опираясь на опыт ветеранов боев, мы настойчиво добивались, чтобы каждый солдат, сержант, офицер не только хорошо понял поставленную задачу, но и знал, как наилучшим образом выполнить ее, как вести себя в сложных ситуациях боевой обстановки. Танкисты бригады без упрощений готовились к боям в лесисто-болотистой местности на территории Белоруссии: учились быстро строить гати, заготавливать фашины, разминировать мосты и подступы к переправам. Обменивались опытом. Отрабатывали организацию боевого взаимодействия с пехотой, артиллерией, штурмовой авиацией.

С полной убежденностью я считал, что каждая крупница боевого опыта — это дополнительный снаряд по врагу. И, заботясь о накоплении такого рода «боезапаса», мы сколачивали бригаду, пока не убедились в ее высокой готовности к напряженным боевым действиям. Почти два месяца велась усиленная подготовка. В остальных бригадах 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса — тоже.

Пристальное внимание уделял тацинцам командующий войсками 3-го Белорусского фронта Герой Советского Союза генерал-полковник (с 28 июня — генерал армии) И.Д. Черняховский. Молодой командующий (3 БФ он возглавил 14.04.44 в свои 37 лет) был одним из талантливейших советских полководцев. Отважный в бою, хоро-

шо знавший все виды современного оружия и новейшие технические достижения, он по своему характеру идеально подходил к сложившейся в ту пору системе командования фронтом, основанной на тесном сотрудничестве командующего, начальника штаба (тогда им был генерал А.П. Покровский) и члена Военного совета (в ту пору — генерал В.Е. Макаров). Черняховский в период подготовки к операции «Багратион» дважды побывал в расположении нашего корпуса, у рельефных макетов района предстоявших действий провел тренировки командиров соединений и частей по организации взаимодействия в полосе наступления. Беседуя в подразделениях с офицерами и рядовыми, Иван Данилович с глубоким знанием дела расспрашивал, насколько хорошо они знают танки и противотанковые средства противника, эффективные способы их уничтожения. И всех нас воодушевил сообщением о том, что мы будем нацелены на освобождение столицы Белоруссии — Минска.

Наше мощное бронированное соединение — Тацинский корпус, вооруженный новыми тридцатьчетверками, справедливо признанными лучшим средним танком второй мировой войны, самоходными орудиями и тяжелыми минометами, включая грозные «катюши», стало способным самостоятельно решать большие боевые задачи. В июне тацинцы выдвинулись вдоль автомагистрали Москва — Минск к переднему краю примерно в 40 км от Орши. Находясь в оперативном подчинении командующего 11-й гвардейской армии гвардии генерал-лейтенанта К.Н. Галицкого (впоследствии генерал армии, Герой Советского Союза), наш танковый корпус получил приказ: 23 июня в полосе наступления 36-го гвардейского стрелкового корпуса войти в прорыв обороны врага на рубеже Забежница — Шалашино — Бахатово и стремительным рейдом вдоль шоссе прорваться к переправам на реке Оршице, с ходу овладеть ими. Штабом фронта планировалось, что мы таким образом обеспечим ввод в прорыв 5-й гвардейской танковой армии под командованием маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова (впоследствии главный маршал бронетанковых войск, Герой Советского Союза) как основной ударной силы и подвижной группы фронта.

Ввод танков в прорыв всегда был очень сложным делом. И на этот раз стрелковым дивизиям оказалось не по силам осуществить его своевременно. Как выяснилось, за весенне-летний период противник еще более укрепил свою оборону, сделав ее глубоко эшелонированной. Рубеж был удобным для того: сравнительно узкий

участок, упиравшийся флангами на севере — в болото Веретейский Мох и на юге — в реку Днепр, исключал возможность маневра наступающим нашим войскам. Оборону там занимал 27-й пехотный корпус 4-й армии вермахта: три дивизии, усиленные танками, артиллерией и противотанковыми средствами. Наиболее боеспособной среди этих соединений была 78-я штурмовая дивизия, которой командовал весьма опытный генерал Г. Траут. Он заявлял, что на его участке оборону не прорвет никто и никогда. Самонадеянное заявление, а все же — не без оснований. Гитлеровцы засели в надежных укрытиях за мощными минными заграждениями, под огневым прикрытием сильных средств противотанковой обороны, артиллерийских батарей, дотов и дзотов. А в тылу у них была не менее мощная армейская оборонительная полоса, которую у Днепра замыкала Орша, превращенная в крепость. К тому же враг мог подтянуть резервы из своей оперативной глубины.

Наши танки стояли в исходном районе в 2–3 км от переднего края. И вдруг на рассвете 23 июня противник открыл сильный артогонь по районам сосредоточения наших войск. Видимо, концентрация боевой техники на нашей стороне все же не осталась для него незамеченной. Но сорвать мощное наступление войск фронта эти меры уже не могли. Вскоре началась и с нашей стороны артиллерийская подготовка, причем с небывалой до того большой плотностью огня. Она длилась около двух часов. Тем не менее ни снарядами, ни бомбами подключившейся штурмовой авиации основательно парализовать оборону гитлеровцев не удалось. Стрелковые части 11-й гвардейской армии лишь местами вклинились на глубину первой позиции противника.

В головной отряд нашей бригады я направил 2-й танковый батальон под командованием гвардии майора Александра Радаева. Чтобы поддержать пехоту в атаке, тридцатьчетверки по приказанию командира 84-й стрелковой дивизии были введены в бой в полосе наступления этого соединения. Но, потеряв на минном поле и от мощного артогня несколько машин, батальон Радаева остановился — всему есть предел возможностей. На других участках наступления положение также складывалось пока не лучшим образом.

Тяжелый бой за прорыв обороны продолжался и 24 июня. К тому времени в поисках другого варианта, какой обеспечил бы успешный ввод танков в прорыв, мы организовали разведку на северном фланге. И вот, получив от начальника штаба бригады обнадеживающие

сведения, о чем уже говорилось, я в 17 часов доложил командиру корпуса сообщения на маневр бригадой. У Алексея Семеновича возникли сомнения в оценке танкопроходимости участков торфоразработок между поселками Осинторф, Остров Юрьев и Старые Холмы. Ясно, что их не обойти. А нельзя ли упрочнить зыбкие места, усилить проходы?

Но мы уже предвидели эти сомнения. Я добавил, что начальник инженерной службы 4-й бригады гвардии майор М. Зацепин успел побывать там. С огромным боевым опытом сапер. И смекалки инженерной Михаилу Алексеевичу не занимать. На месте он достоверно определил, что на слабых местах торфяника вполне можно проложить настил из подручного материала — благо лес везде имеется. К тому же каждый танковый экипаж заблаговременно запасся бревнами для гатей и самовытаскивания, закрепив их на броне, как говорится, «до востребования». Времени для создания гатей требуется немного. И танки, и самоходки после такой подготовки пройдут наверняка!

Теперь генерал Бурдейный вышел на связь с командармом без колебаний. Генерал Галицкий выслушал его заинтересованно. Он уже знал, что севернее наметился успех у стрелковых частей — сопротивление там немцы оказывают довольно слабое. Открывалась возможность обойти укрепления противника с севера и через городок Остров Юрьев вывести наши танковые бригады в районе села Ключовки на рокадное шоссе Витебск — Орша. И командарм тотчас доложил по телефону ВЧ командующему войсками фронта о целесообразности такого маневра танками Тацинского корпуса.

Генерал Черняховский утвердил это предложение. И в ночь на 25 июня за дело принялись бойцы корпусного 51-го мотосаперного батальона, которым командовал гвардии майор А. Мельников, а также приданного нам армейского 8-го инженерно-саперного батальона. Надо отдать должное этим неутомимым труженикам войны, они в кратчайший срок выполнили дорожно-строительные работы огромного объема. А на самых труднопроходимых участках танкисты воспользовались и бревнами, доставленными на броне.

К утру основные силы корпуса по настилам через торфяники уже преодолели топкие участки Осиновского болота, вызывавшие у нас наибольшее беспокойство. Застрелили лишь отдельные танки — в основном, по неопытности иных молодых механиков-водителей. Потерь, в сущности, не было ни в боевой технике, ни в людях.

Головными шли две танковые бригады: наша 4-я и 26-я Ельнинская, которой командовал гвардии полковник С. Нестеров. Во второй половине дня мы беспрепятственно достигли района Клюковки, где перерезали шоссе Витебск — Орша. и стали обходить Оршу, превращенную гитлеровцами, по их мнению, в «крепость», с северо-западного направления. Таким образом Тацинский корпус проник в тыл всей Оршанской группировке немецко-фашистских войск, не потеряв ни одного танка. Сильно укрепленная оборона врага теряла устойчивость да, пожалуй, и свое значение. Кстати, это осознал и сам противник. Попавший потом под Минском в плен командир разгромленной 25—26 июня 78-й штурмовой дивизии генерал Г. Траут показал: «Прорыв ваших войск севернее шоссе грозил тяжелыми последствиями не только для моей дивизии, но и для всего корпуса. Это привело к тому, что наш оборонительный фронт потерял способность к сопротивлению и стал откатываться под непрерывными ударами русских».

Правда, «откатывание» началось не сразу. В первое время нашего наступления противник, видимо, еще не оценил масштаба всей операции и, подтягивая резервы, надеялся таким образом заткнуть бреши в своей обороне, остановить советские войска на заранее подготовленных рубежах в оперативной глубине.

С утра 26 июня танки Тацинского корпуса, разделенные на две группы, устремились на юго-запад. В левой группе головной шла 26 тбр, следом за ней — 4-я гвардейская Смоленская мотострелковая бригада (командир гвардии подполковник М. Антипин). Последней была поставлена задача: достигнув автомагистрали, закрепиться там и не допустить отхода сил врага из Орши на запад.

Правую группу возглавляла наша бригада, за нами следовала 25-я гвардейская Ельнинская танковая бригада (командир гвардии полковник С. Булыгин). Мы имели целью перерезать железную дорогу на участке Орша — Лепель, перехватить Минскую автостраду и выйти на железнодорожную магистраль в районе поселка Коханово — около 30 км западнее Орши. Близ деревень Каменка и Хлусово танки ворвались на участок рубежа, где занимали оборону до батальона пехоты и артиллерийская батарея противника. Бригада с ходу огнем и гусеницами подавила сопротивление врага и — дальше, на Роский Селец!

Командир 2-го гвардейского танкового Тацинского Краснознаменного ордена Суворова корпуса гвардии генерал-майор (впоследствии генерал-полковник) танковых войск Алексей Семенович Бурдейный, участник боев за Киев, Харьков, Сталинград и на Курской дуге. За образцовое выполнение заданий командования в Белорусской операции, проявленные при этом героизм и мужество удостоен звания Героя Советского Союза. Почетный гражданин города-героя Минска

Командир 25-й гвардейской Ельнинской Краснознаменной танковой бригады
гвардии полковник С.М. Булыгин

Командир 26-й гвардейской Ельнинской Краснознаменной танковой бригады гвардии полковник С.К. Нестеров (впоследствии зам. командира 2-го гв. ТК, генерал-майор). Погиб в бою 20.10.1944 г. Посмертно ему 19.4.1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза, и его именем назван город в Калининградской области.

Командир 4-ой гвардейской мотострелковой бригады гвардии полковник
М.С. Антипин

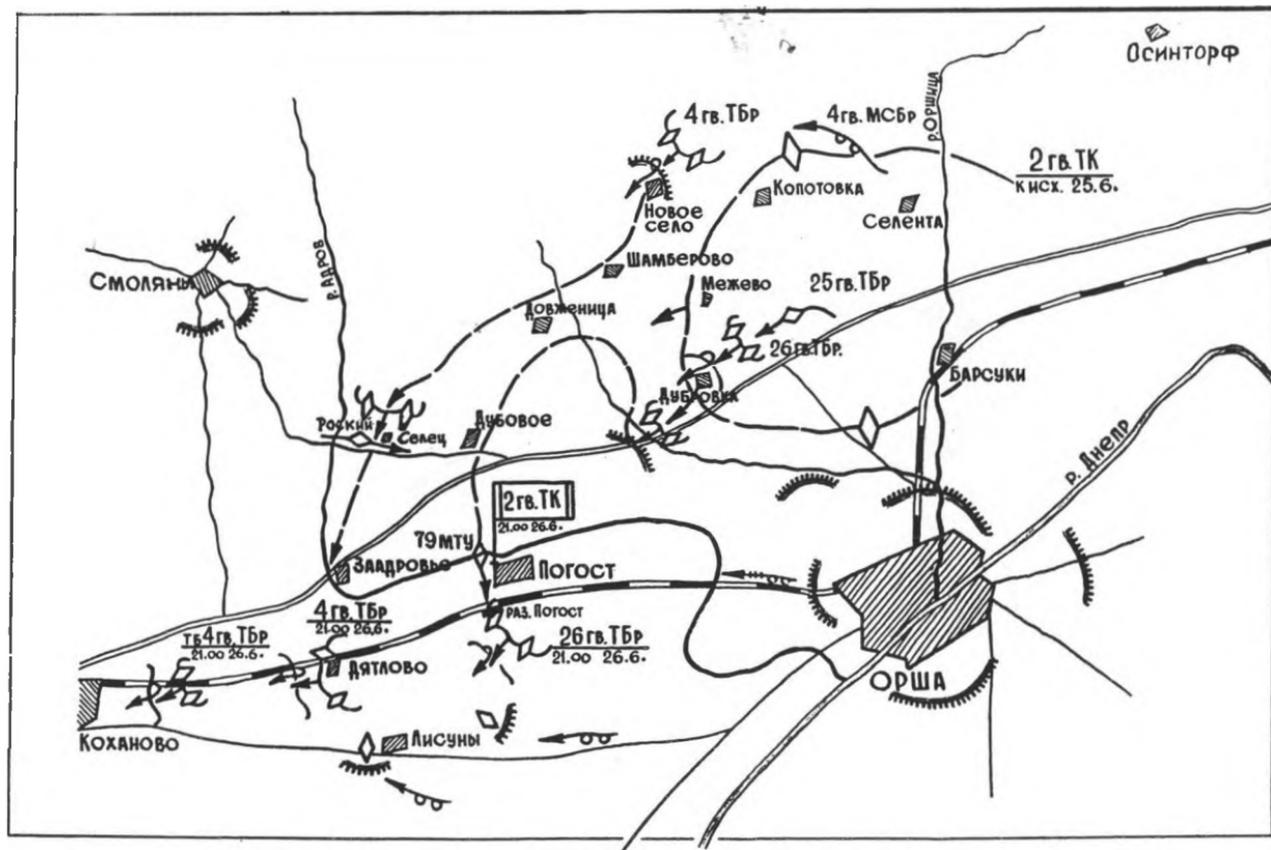

Схема 3. Боевые действия 2-го гв. ТК северо-западнее и западнее Орши 26.6.1944 г.

В БОЯХ НА ГЛАВНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Я находился на танке в головном отряде, впереди нас шел взвод разведки. Чтобы не ввязываться в затяжные встречные бои с сильными заслонами из танков и артиллерии на шоссе, мы продвигались вдоль него на фланге в километрах около десяти по перелескам за пологими холмами. Это гарантировало нас и от потерь на минных полях. Вдруг слышу в наушниках по рации: «Орел-1, Орел-1, я – Орел-10». Отзываюсь «десятому» – командиру взвода разведки. И тотчас он докладывает:

– Навстречу движутся немцы. Большой колонной идут...

Посмотрим, что там за «немцы». Вызываю к себе комбатов и вместе выдвигаемся к вершине холма, маскируясь кустарником. Из-за гребня видим: километрах в двух от нас – множество грузовиков с пехотой и пушками на прицепах. В голове колонны и местами между автомашинами – средние танки Т-V «Пантера». В хвосте, который теряется вдаль, различаем самоходные орудия «артштурм». Пожалуй, противник здесь силами до моторизованного полка, усиленного танками. Надо полагать, командование противостоявшей нам 4-й армии подтягивает из района Смоленск резервы к подготовленному ранее тыловому рубежу обороны по речке Оршице. Знать, не предупреждены еще о том, что обстановка на этом участке фронта изменилась в корне. Вот и в походном порядке идут без развернутого прикрытия флангов.

Вражеская колонна остановилась. Гитлеровцы обнаружили танк у вершины холма, но первое время никак не могли взять в толк, что он – советский. Откуда бы ему тут, в их тылу, взяться?

Орудия и машины врага — все еще в походном положении. А мы, на фланге — уже в готовности к бою. Исходная позиция для нанесения удара — лучше не придумаешь.

— Комбаты! — решительно даю команду. — Атакуем фашистов...

И батальоны получают конкретные задачи.

Немцы, наконец, зашевелились, на обочине спешно развертывают 88-мм орудия. Над башней моего танка с характерным шелестом пролетает болванка бронебойного снаряда, еще одна... Пристрелка. Но второпях фашисты бьют с большим перелетом. Опоздали. В тот же миг наши батальоны лавиной огня и стали обрушились на врага с фланга, охватывают колонну с головы и хвоста. Запах развороченных гусеницами сырой земли и прелых листьев смешивается в боевом отделении танка с пороховой кисловатой гарью. Дорогу перед нами и все, что на ней, вспарывают черные султаны взрывов. Опрокидываются и вспыхивают автомашины, оглушительно взрываются в огне ящики со снарядами. Ветер разносит резкий запах сгоревшего тола. Молотобойный грохот орудийных выстрелов, рык пулеметов, рев выжатых на полный газ танковых дизелей — все это сливается в какофонию яростного боя грозной техники. Едкий тяжелый дым расплзается по распадкам между холмами.

Лишь отдельные расчеты орудий и экипажи «пантер» пытались оказать сопротивление. Вот, хищно поводя стволом, разворачивается башня вражеского танка. И тотчас кто-то из гвардейцев всаживает 85-мм снаряд под нижний срез башни. Искристая вспышка! Ствол орудия «пантеры» падает к земле, как автоматический шлагбаум. Потеряла «хищница» свои острые зубы!

Сразу несколько разрывов накрывают позицию противотанковых пушек. Это поддержали бригаду своим метким огнем 85-миллиметровки 401-го самоходно-артиллерийского полка под командованием гвардии майора Л. Степанова.

Мне больше не приходится указывать гвардейцам, кого и во что бить в первую очередь. Действуют сметливо и расчетливо. Радует душу воина картина поражения ненавистного врага. Азарт боя начинает захватывать и меня. Рвануть бы сейчас своей тридцатьчетверкой на дорогу, навалиться броней и гусеницами, сбивать и давить фашистов. Но командир не вправе поддаваться эмоциям, иначе потеряешь нити управления батальонами. И я беру себя в руки.

Бой еще продолжается, но уже нет ни малейшего сомнения в его победном для нас исходе. Поэтому я вызываю на связь командира 1-го батальона гвардии майора Н. Масташова и ставлю ему отдельную задачу: немедленно выдвинуться вперед по шоссе и захватить речную переправу.

На дороге — полный разгром врага! Те немногие из гитлеровцев, кто уцелел, в панике разбежались по лесу, побросав свои автомашины и самоходки, причем некоторые были захвачены нами, когда еще работали моторы. Богатые нам достались трофеи, а главное — 12 вполне исправных самоходов «артштурм» с боеприпасами.

Не более получаса миновало от начала нашей атаки. Бои в ту пору получались по большей части скоротечными, но ожесточенными до предела. Нас жгла лютая ненависть к фашистским варварам, совершавшим на оккупированной территории дикие зверства над гражданским населением. Мы знали множество таких фактов. И почти у каждого из нас был личный счет мести врагу. В период подготовки к наступательной операции среди воинов корпуса была распространена анкета «За что я должен бить фашиста?». На нее ответили 5948 бойцов и командиров. И выяснилось, что от рук гитлеровцев погибли 4950 наших родных и близких, еще 1139 — искалечены или ранены, а 850 человек угнаны в фашистское рабство. Гвардейцы-тащинцы, охваченные яростной ненавистью к заклятому врагу, поклялись громить его беспощадно, пока он оказывает сопротивление. Громить до полной победы! И сражались самоотверженно, поистине героически.

Батальон Николая Масташова горячей волной катился в направлении на Роский Селец, чтобы близ деревни под странным названием Засекли захватить мост через речку Адров (приток Днепра) и удержать его до подхода основных сил бригады. Впереди боевых порядков 1-го батальона — танковый взвод гвардии лейтенанта Сергея Митта. Стремительно неслись грозные тридцатьчетверки с начертанными на башнях белыми стрелами (стрела острием по ходу танка — опознавательный знак Тацинского корпуса, буква над ней обозначала принадлежность к танковой бригаде по фамилии ее командира, а цифра под стрелой — номер машины). С таких вот малых стрел и начиналось движение на полях сражений больших, отмечаемых на картах наших полководцев. А успех сражения подчас во многом зависит от инициативы и решительности взвода, даже отдельного экипажа. Ведь в бою решающей может оказаться и секун-

да действия или бездействия, промедления. Поэтому очень важно, чтобы на острие атаки находился командир умелый и сметливый, обладающий боевой дерзостью.

Именно таким был 35-летний офицер Сергей Митт. Выходец из крестьянской семьи на новгородщине, перед войной он работал в Ленинграде. На фронте — с июня 41-го. Обрел огромный опыт и прочную боевую закалку. Словом, отличался мужеством самой высокой пробы. И был в нашей бригаде из тех командиров, кто вел в бой прежде всего личным примером бесстрашия. Вот и на этот раз тридцатьчетверка Митта вырвалась к реке в голове взвода.

На шоссе близ моста гвардейцы увидели небольшое скопление вражеских машин с боеприпасами. Их прикрывали танк «пантера» и самоходные штурмовые орудия. Гитлеровцы, застигнутые внезапной опасностью, заметались между грузовиками и на предмостной позиции противотанковой батареи. Одни вознамерились дать отпор танкам, другие — это были минеры — бросились готовить к подрыву мост. Поздно спохватились! Наши упредили их. С ходу открыв огонь. танки взвода первыми же снарядами подожгли «пантеру» и накрыли две самоходки. Затем и третью САУ заставили уткнуться стволом в береговой склон. Следующие взрывы разметали из машин ящики со снарядами.

Но вот немцы пришли в себя. Отчаянно стали огрызаться противотанковые пушки. Им удалось подбить одну из трех машин атакующего взвода. Крутнувшись и распластав гусеницу, Т-34 замер на береговом склоне. Но остальные мчались к мосту, казалось бы, неудержимо. Вдруг через трансмиссионную сетку из танка Сергея Митта вырвались клубы дыма и языки пламени, черный шлейф заплескался за кормой. Подбит! Теперь все решали секунды.

— Полный газ, Зотов, самый полный! — машинально твердил командир и без того все понимавшему механику-водителю. — Вперед, на мост!

На полной скорости горящий Т-34 опрокинул и смял стальными гусеницами противотанковую пушку (чуть позже ведомый Митта уничтожил второе орудие), вихрем влетел на мост, кося гитлеровцев горячим свинцом. Самоотверженные герои-танкисты стремились во что бы то ни стало помешать врагу в критический момент взорвать переправу. Экипаж достиг цели ценой своей жизни: пылающая машина смела минеров и, выскочив на западный берег Адрова, взорвалась в сотне метров от моста среди грузовиков и метавшихся в панике фашистов.

Это произошло на глазах у командира танковой роты гвардии старшего лейтенанта К. Шехонина. Рота подросла вслед за героическим головным взводом, поддержала его огнем. На поле боя враг потерял батарею противотанковых пушек, пять самоходок и танк. Десятки трупов гитлеровских солдат и офицеров усеяли берега Ад-рова у переправы.

А по захваченному в целостности мосту, не теряя времени, пошли на запад основные силы 4-й гвардейской бригады и поддерживающего нас 401-го самоходно-артиллерийского полка. Танкам с белыми стрелами на башнях открывался простор для маневра в юго-западном направлении по тылам врага.

Бойцы второго эшелона бригады, вступив в Смольяны, похоронили павших смертью храбрых товарищей. Родина высоко оценила их беспредельное мужество и отвагу. Сергею Михайловичу Митту присвоено звание Героя Советского Союза (Указ был издан 24.03.45, по итогам проведения всей Белорусской операции). Посмертно боевых наград были удостоены и все гвардейцы его экипажа: механик-водитель танка старший сержант Василий Зотов, наводчик орудия младший сержант Яков Радаев, заряжающий младший сержант Константин Ефремов, радист-пулеметчик старший сержант Леонтий Гребенкин. Алтаец, пензяк и два сибиряка — они не колеблясь отдали свои жизни за освобождение белорусской земли.

Благодарные жители Оршанского района бережно хранят память о своих самоотверженных освободителях. В деревне Роский Селец, что неподалеку от места, где совершил бессмертный подвиг экипаж тридцатьчетверки, на здании школы установлена мемориальная доска. А в городском парке Орши каждым летом буйно зеленеет аллея имени героя-танкиста Сергея Митта.

Безмерно мучительна горечь потери боевых друзей. И все-таки их самоотверженность, решимость добиться, не щадя своей жизни, победы над сильным и коварным врагом, чтобы обеспечить идущим вслед батальонам успех при малых потерях, — это поднимало боевой дух гвардейцев-тацинцев. Мы били врага еще злее и решительней.

Вскоре отличился еще один танковый взвод. Командовал им гвардии младший лейтенант Дмитрий Фроликов, мужественный и дерзкий в бою танкист. Родом он был из села Красное на рязанщине и в свои 25 лет уже имел за плечами опыт участия в двух войнах. Призванный в 1938 году на срочную службу в ряды Красной Армии, через год получил боевое крещение на Карельском перешейке.

В боях Великой Отечественной — с 1941 года. Опытного бойца затем направили в Горьковское танковое училище. Окончив его в 1944 году, молодой офицер прибыл в нашу бригаду и вскоре проявил себя большим мастером танкового боя. Взвод Фроликова представлял собой лучшее подразделение в составе 3-го танкового батальона. Безусловно надежное в разведке, боевом охранении. И головным в атаку для выявления вражеских огневых средств его посылали без колебаний, зная, что выполнит задачу как нельзя лучше.

На этот раз взвод был выдвинут на перекресток дорог Орша — Смоляны, Смоленск — Минск (севернее деревни Туровичи). Оценив на местности выгодность позиции, Фроликов поставил свои тридцатьчетверки в засаду у большака. Долго ждать не пришлось: с запада приближалась вражеская автоколонна — около сотни машин в сопровождении шести танков и самоходок. Явное численное превосходство сил противника не смутило отважного комвзвода. Выждав выгодный момент, он решительно подал команду. Все три экипажа ударили дружно, били почти в упор и сразу же поразили два средних танка. Продолжая вести огонь, тридцатьчетверки затем ворвались в скопление машин на дороге, крушили их броней и гусеницами...

На шум боя подоспели основные силы 3-го батальона под командованием гвардии капитана П. Ключко и довершили разгром автоколонны. Оседлав дорогу, батальон вскоре настиг еще одну механизированную колонну, с ходу атаковал, уничтожил 18 орудий вместе с тягачами и прислугой.

А как складывались дела у второй группы Тацинского корпуса, на левом фланге? Наступавшая во главе этой группы 26-я танковая бригада вначале тоже достигла боевого успеха — разгромила в селе Стайки до батальона пехоты и несколько орудий. Но, продвинувшись затем на юг, была встречена шквальным огнем противотанковой и полевой артиллерии противника на подступах к деревне Межево. Как выяснилось, танки напоролась там на сильно укрепленный рубеж, созданный в центре армейской оборонительной полосы. Вражеские орудия подбили несколько атакующих танков, и гвардии полковник О. Нестеров, чтобы избежать больших потерь, вынужден был прекратить бой. Требовалось время для подготовки к решающему штурму этого опорного узла, препятствовавшего прорыву бригады на автомагистраль.

Словом, в тот день, 26 июня, наши соседи задержались у Межева. А для танков 4-й бригады путь был открыт до самого Коханова. Командир корпуса, определив, что настал момент, когда наш успех надо немедленно поддержать и развить, ввел в бой с рубежа у села Хлусово 25-ю танковую бригаду гвардии полковника С. Булыгина. Она ринулась вперед в полосе между 4-й и 26-й бригадами, стремительным обходом Межева с запада помогла бригаде Нестерова разгромить противника в этом узле сопротивления. Затем с ходу овладела тоже сильным опорным пунктом, в какой гитлеровцы превратили село Лядовку у автомагистрали Орша — Борисов, и, продвинувшись к югу, захватила железнодорожную станцию Погост, где скопились эшелоны с награбленным фашистами народным имуществом.

Тем временем гвардейцы нашей бригады ворвались в Коханово, где у противника был сильный гарнизон. Первой атаковала позиции врага головная рота 1-го танкового батальона. Та самая, гвардейцы которой поклялись жестоко отомстить фашистам за гибель героического экипажа Сергея Митта. И клятву они сдержали. Рота уничтожила огнем и гусеницами 11 противотанковых и 9 самоходных штурмовых орудий, а также более сотни вражеских солдат и офицеров. Две самоходки и батарея противотанковых пушек — на боевом счету экипажа командира роты. За отличное управление подразделением в бою и личную отвагу гвардии старший лейтенант К. Шехонин был награжден орденом Ленина. Удостоены высоких боевых наград и члены его экипажа.

В Коханове мы взяли в плен большую группу гитлеровцев. И захватили почти в целости на станционных путях четыре железнодорожных эшелона, а вблизи вокзала — два крупных склада с боеприпасами, продовольствием и военно-техническим имуществом. Вместе с тем танкисты роты Шехонина и разведчики группы старшего лейтенанта Завьялова освободили от угона в фашистское рабство сотни женщин и детей, томившихся без воды и пищи в запертых и опутанных колючей проволокой теплушках эшелона.

Восточнее нас громила врага на железнодорожном разъезде 26-я бригада. Там танкисты и автоматчики тоже освободили от угона в Германию около четырех тысяч советских людей, загнанных фашистами в эшелоны.

Таким образом, части 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса перерезали шоссейную и железную дороги на участке Орша — Борисов в нескольких местах. Успех первого дня наступле-

ния стал очевидным. Удалось разгромить ряд укрепленных позиций, опорных пунктов в системе армейской полосы обороны гитлеровцев и подорвать ее устойчивость. Танки с белой стрелой на башнях разбили и рассеяли подходившие резервы противника. В ожесточенных схватках с гвардейцами-танкистами вражеские войска потеряли огромное количество боевой техники, вооружения и живой силы. Только в плен тащинцы взяли более тысячи немецких солдат и офицеров.

В результате наш корпус надежно прикрыл левый фланг 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова. Командующий войсками фронта ввел ее в прорыв под Богушевском утром того же 26 июня. А в середине дня передовой отряд этой армии уже вышел в район восточнее Толочина.

Характерно, что танки Ротмистрова пошли в прорыв не вслед Тацинскому корпусу, как это замышлялось в соответствии с планом «Багратион», а по правому крылу войск 3 БФ, по направлению, какому двумя сутками раньше была введена конно-механизированная группа под командованием генерала Н. Осиковского. На том направлении обстановка складывалась наиболее благоприятно: на рассвете 25 июня был освобожден Богушевск, сутками позже – Витебск. Выйдя на оперативный простор, 5-я гвардейская танковая армия на глубине 30 км от бывшего переднего края обогнала стрелковые соединения и, преследуя противника, стремительно вышла на ранее запланированные ей направления – к главным магистралям на Минск через Толочин и Сенно. У Толочина танкисты встретили упорное сопротивление частей подошедшей охранной дивизии гитлеровцев. Вытеснить их из этого районного центра удалось в результате охватывающего маневра и мощных ударов, нанесенных главными силами 3-го гвардейского танкового корпуса из состава армии Ротмистрова при активной поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации. Танкисты перерезали железнодорожную магистраль и оседлали Минскую автостраду в 50 км западнее Орши, где противник еще продолжал сопротивляться, но был обречен, поскольку этой группировке все основные пути отхода на запад уже были отрезаны на большую глубину.

Измотанные ударами советских танков и налетами штурмовиков, остатки трех пехотных, штурмовой и моторизованной дивизий противника вначале оттянулись под защиту «крепости» Орша. Но и эти потуги командующего 4-й армией генерала пехоты Курта фон

Типпельскирха оказались напрасными. В упорных уличных боях, продолжавшихся всю ночь, советские войска сломили сопротивление вражеского гарнизона и к утру 27 июня освободили Оршу полностью. Возможности попадания в плен Типпельскирх избежал благодаря лишь своеобразной ретираде: в последний момент в срочном порядке отправился на лечение в Германию. Впоследствии не единожды битый генерал стал известным военным теоретиком, автором тенденциозной монографии по истории второй мировой войны.

МОСТЫ, МОСТЫ... В ОГНЕ – БЕРЕЗИНА

Ко времени освобождения Орши 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус поступил в оперативное подчинение командующему 31-й армией генерал-лейтенанту В. Плаголеву. И решал уже новую задачу: фронт потребовал нанести удар в южном направлении и овладеть деревней Староселье (около 30 км юго-западнее Орши), чтобы не допустить отхода через тот район частей противника на запад, к районному центру Круглое, где могло бы произойти их соединение с основными силами 4-й армии. Овладев 27 июня в 9 часов утра Старосельем, гвардейцы мужественно отбивали контратаки вражеских войск, кидавшихся на прорыв с отчаянием обреченных. Гитлеровцы теперь стали учеными – хорошо понимали, чем грозит им окружение. Поэтому лезли напролом. В самом Староселье стойко отражала их натиск 4-я гвардейская мотострелковая бригада, усиленная артиллерийскими частями, а южнее и севернее – танкисты 4-й и 25-й гвардейских бригад. Последняя нанесла врагу большой урон, но и сама потеряла в ожесточенных боях 16 танков, правда, большей частью подбитыми. Их можно было восстановить силами ремонтников, но на это требовалось определенное время.

Между тем в полдень 27 июня тацинцев снова перенацелили. Генерал Черняховский, обеспокоенный обстановкой на левом крыле фронта, поставил задачу: «2-му гвардейскому танковому корпусу действовать в направлении Мартьяновичи, Ухвала и к исходу 29 июня овладеть переправой через реку Березина в районе с. Черневка».

Немало усилий пришлось затратить, чтобы оторваться от наседавшего на нас врага. Для прикрытия с востока до подхода войск 31-й армии на рубеже Староселья осталась 4 гв. мсбр. А наша танковая бригада после вывода из боя под Старосельем спешно занялась пополнением горючим и боеприпасами.

В более выгодном положении оказалась 26 гв. тбр — она в ту пору находилась во втором эшелоне западнее Староселья. И командир корпуса, придав ей 51-й саперный батальон, нацелил в качестве передового отряда на преследование частей противника, отходивших к селу Круглое. Генерал Бурдейный поставил этому отряду и следующую задачу: захватить Круглое и переправы через реку Друть. К 16 часам того же дня танкисты гвардии полковника Нестерова уже настигли большую механизированную колонну немцев, с ходу атаковали ее, охватив с флангов и тыла. Внезапность принесла успех. Гитлеровцы вначале оказали отчаянное сопротивление, но, когда на дороге в грохоте взрывов загорелись бронемашины, транспортеры и штабные автобусы, стали в панике разбегаться.

Выяснилось, что там был разгромлен штаб 14-й пехотной дивизии. Под конец дня танкисты Нестерова ворвались на улицы Круглого и вскоре полностью очистили райцентр от немцев. Но мост через Друть захватить не удалось: гитлеровцы успели взорвать его, бежав на западный берег. Тогда за привычное дело принялись бойцы саперного батальона. За ночь они сумели восстановить переправу, и танки 26-й бригады с утра продолжили преследование врага.

Задачу захватить переправу через Друть, только южнее Круглого, получила и наша 4-я бригада. Мы выступили в 16 часов, то есть когда наши боевые друзья уже громили на дороге настигнутую штабную колонну. Однако и нам «повезло» на встречу со штабом вражеской дивизии. Другого, разумеется, соединения и несколько позже.

Во время продвижения на запад между бригадами Тацинского корпуса образовался разрыв до 20—30 км. И противник не преминул воспользоваться им. Пока 4 гв. мсрб была связана напряженными боями за удержание Староселья, большая сборная колонна войск врага стала обходить село с севера и втягиваться в лес западнее Староселья. Возникла реальная угроза тылам двух наших танковых бригад да и тыловым частям корпуса. Но мы, наступая на новом направлении, о ней еще не подозревали.

Положение выправила оказавшаяся поблизости 23 гв. тбр гвардии полковника Булыгина. В коротком яростном бою гвардейцы огнем и гусеницами разгромили противника. Покончив с ним, 25-я бригада заняла место в центре боевых порядков корпуса. А мы лишь позже узнали, от какой опасности нас избавили боевые друзья. И были им благодарны за выручку.

Танковые колонны всех гвардейских бригад стремительно катились по проселкам на юго-запад. Впереди нашей 4-й на достаточном интервале двигалась разведгруппа под командованием гвардии младшего лейтенанта Д. Фроликова. Выйдя к селу Троица (8 км южнее Староселья), разведчики обнаружили скопление вражеских машин у моста через речку Березовку. Не выдавая себя, установили, что переправу прикрывают два танка и несколько самоходок. Засекли их позиции. О результатах разведки и свое решение Фроликов доложил по радиации комбату гвардии майору А. Радаеву, батальон которого следовал в голове 4-й бригады.

Замысел заключался в том, чтобы внезапно атаковать врага и связать его боем, не дать машинам переправиться за речку до подхода колонны танков 2-го батальона. И комбат одобрил его. Фроликов, умело используя складки местности, скрытно вывел танки взвода на выгодные позиции. Орудия тридцатьчетверок ударили дружно и прицельно. Густо зачಾದили две пораженные снарядами самоходки, а третья, подбитая, уткнула хобот ствола в землю. Выскочивших из их люков артиллеристов тотчас срезали пулеметные очереди танков. По самоходкам гвардейцы били в первую очередь потому, что эти штурмовые орудия представляли наибольшую опасность для атакующих, хотя бы и укрытых за броней. Затем разведчики подбили оба вражеских танка и перенесли огонь по штабным машинам.

На переправе образовалась пробка, горели и взрывались транспортеры, в панике металась фашисты. Разгром довершили подоспевшие танки 2-го батальона. Внушительное там образовалось кладбище боевой техники врага. Множество трупов усеяли берег реки. И около двухсот солдат и офицеров были взяты в плен. Позднее из показаний пленных стало известно, что мы разгромили части 25-й моторизованной дивизии и весь ее штаб.

Теперь в голову бригады мной был выдвинут 1-й танковый батальон гвардии майора Н. Масташова. Продолжая преследовать врага, танки на подходе к деревне Екатериново (5 км юго-восточнее села Круглое) настигли смешанную артиллерийскую колонну. Немцы торопились к переправе у Круглого, еще не зная, что она захвачена советскими танкистами.

Комбат Масташов решил нанести удар с фланга. А чтобы выиграть время для соответствующего маневра и отрезать противнику пути назад, приказал боевому дозору под командованием Фроликова атаковать врага сразу же вдогон. Тридцатьчетверка Фроликова

первой вырвалась из-за сосен на повороте дороги и устремилась к замыкавшему колонну тяжелому вражескому танку. А тот поспешил в разворот. Рывками дергалась во вращении угловатая башня «тигра», вот-вот черное жерло его пушки глянет прямо в лицо Дмитрию, хладнокровно следившему на сближении за действиями опасного противника. Снаряд, выпущенный в движении из орудия Т-34, встретился с вражеской броней под острым углом и поэтому ricochetировал в снопе искр. Заряжающий поспешно досылает очередной снаряд. Но успеет ли?

— Жми на полный! — крикнул Фроликов механику-водителю и, обращаясь уже ко всему экипажу, почти скороговоркой добавил: — Тараном бьем, держись крепче, орлы!

Секунда, вторая... Громко лязгнул металл о металл. Тяжелый вражеский танк, получив мощнейший удар заостренной лобовой броней тридцатьчетверки по корме, судорожно взбрыкнул ею и, теряя разбитую гусеницу, беспомощно завалился на бок. А отважный экипаж Т-34 продолжал вести бой до конца, успел еще огнем из орудия поджечь две самоходки.

Гитлеровцы все же успели в центре колонны развернуть орудия и открыть огонь по атакующей с фланга стальной лавине. Им даже удалось подбить два наших танка. Но остальные тотчас отомстили, накрыв позицию батареи серией взрывов. Вскоре враг утратил способность к организованному сопротивлению и мелкими группами бежал с поля боя. Наши потери исчислялись только двумя подбитыми танками и ранеными членами экипажей...

Беспокойной оказалась для нас ночь на 28 июня. Рассеянные ударами танков и налетами штурмовиков Ил-2 части вражеских войск, теряя в труднопроходимых местах единицы тяжелой боевой техники, небольшими группами пытались просочиться на запад, к Минской автострате. За ней на рубеже населенных пунктов Крупки — Игрушка по приказу командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Э. фон Буша, которому фюрер категорически запретил отводить войска к Минску, занимали исходные позиции 5-я танковая (около двухсот бронеединиц, в основном тяжелых) и 286-я охранная дивизии, готовясь нанести контрудар по передовым частям 5-й гвардейской танковой армии маршала П. Ротмистрова. Таким образом Буш бросил на чашу весов последний свой оперативный резерв, вместо того чтобы сосредоточить его на подступах к Минску, как того безусловно требовала оперативная обста-

Танковый экипаж Героя Советского Союза гвардии младшего лейтенанта Дмитрия Фроликова. На снимке (слева направо): нижний ряд – механик-водитель И.А. Карпушев, командир взвода Д.Г.Фроликов, командир орудия В.Ф. Зотов; верхний ряд – заряжающий В.М. Косякин, стрелок-радист И.Е. Костюк

новка. И туда, в направлении на Крупки вместо Минска, пытались теперь прорваться остатки рассеянной нами мотодивизии, но то и дело натыкались на наши подразделения. В разных местах вспыхивала перестрелка, гремели взрывы гранат. Большой опасности для нас такие группы не представляли, а все же держали в напряжении.

С рассветом 28 июня продвижение наших трех танковых бригад продолжалось с боями. Новых сил нам прибавил принятый по радио приказ Верховного Главнокомандующего с объявлением благодарности войскам 3-го Белорусского фронта, в том числе 2-му гвардейскому танковому корпусу, участвовавшему в освобождении Орши. Вечером Москва салютовала нам двадцатью артиллерийскими залпами. Орудия наших Т-34 тоже гремели, но не салютом, а беглым огнем по врагу.

Первой переправилась через Друть и устремилась по дороге на деревню Круча 26 гв. тбр. Танки 4-й гвардейской уверенно продвигались левее, как вдруг получаю приказание командира корпуса... остановиться! В чем дело?! А вот в чем: пришлось развернуть нас для встречи противника с южной стороны — воздушная разведка обнаружила на марше от Могилевского шоссе в нашем направлении большую механизированную колонну вражеских войск. Обтекая Головчин, она разделилась на два шупальца огромного спрута. Один из них вдоль восточного берега Друти потянулся в направлении на Круглое, второй — на Кручу. «Доползи» они до Минской магистрали — и мотострелковая бригада гвардии подполковника М. Антипина окажется отрезанной в Староселье от основных сил корпуса. Большая угроза создавалась и тылам 26 гв. тбр.

Так и получилось, что вчера наш тыл обезопасила 25 гв. тбр, а теперь подошла очередь нам выручать боевых друзей. Мы быстро выбрали выгодную позицию южнее Круглого на холмах. Дорога там вырывалась из теснины густого леса, и вражеская колонна открылась сверху, как на сложенной ковшиком огромной ладони.

Огневой удар танков 4-й гвардейской бригады и орудий 401-го гвардейского самоходно-артиллерийского полка оказался для фашистов совершенно неожиданным и вызвал страшную сумятицу на дороге. Загоревшиеся в голове колонны «фердинанды» (тяжелые самоходки) и грузовики образовали пробку. Часть машин пыталась развернуться, чтобы найти спасение под прикрытием леса. Да не тут-то было! Взрывы снарядов накрыли и хвост колонны — ловушка захопнулась. Вскоре скопление боевой техники врага превратилось в

невообразимую жарко полыхавшую свалку. Дым пожарища многоголовыми столбами долго клубился над лесом и, по всей видимости, отпугнул катившиеся от Могилева вражеские части. Они двинулись в обход южнее Староселья.

Все тяжелее становилось отбивать вражеские атаки мотострелкам гвардии подполковника Антипина. Правда, от своей бригады я послал им на усиление танковый батальон. Но едва он подоспел к восточной окраине Староселья, гитлеровцы выходом в тыл отрезали оборонявшихся от основных сил нашего корпуса. По существу, оборона 4-й гвардейской мотострелковой бригады стала круговой. И тогда Антипин принял решение идти на прорыв вслед за танковым батальоном, придав ему подразделение мотострелков.

Правильное решение! Танковый батальон, словно таран, дробил вражеские войска, и гвардейцы-мотострелки, мужественно отбиваясь с фронта и тыла, в течение дня полным составом бригады перешли на новый рубеж по реке Друть.

К ночи на 29 июня уже все силы 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса переправились через Друть, причем следовавшая в первом эшелоне танковая бригада гвардии полковника С. Нестерова к тому времени успела овладеть селом Круча и, встретив на дальнейшем пути непроходимые болота, вынуждена была отклониться к западу от заданного направления.

Трудно представить, какого титанического напряжения стоили тацинцам двое суток рейдов по бездорожью и почти непрерывных боев. Они изрядно измотали людей, да и технике досталось. Но сознание того, что мы наступаем, бьем сильного врага и уже нанесли ему большой урон, побеждая при малых потерях со своей стороны, поддерживало высокий боевой настрой, придавало силы бойцам и командирам. Ведь усталый — это же не убитый, не раненый даже. Восстанут силы, да и раны у победителей, как известно, затягиваются быстрее. А побеждали малой кровью мы как раз благодаря тому, что не жалели сил, выходя на выгодные рубежи трудными, но зато скрытными от противника путями, и всегда опережали его, срывали его замыслы. Побеждали благодаря возросшему боевому мастерству.

Успех, достигнутый воинами 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, был сравнительно небольшой в масштабах операции «Багратион», но весомой составляющей оперативного успеха войск 3-го Белорусского фронта. В значительной мере он был обус-

ловлен стремительным наступлением советских войск на флангах группы армий «Центр» вермахта, что положило начало быстрому ее разгрому. За первые шесть дней наступления наши войска продвинулись на 90–150 км. Под мощными ударами советских войск оборона гитлеровцев, опиравшаяся на «укрепрайоны» и «крепости», фактически рухнула. Крупные группировки войск вермахта в районах Витебска и Бобруйска были окружены и полностью разгромлены. Введенные в образовавшиеся в обороне противника бреши крупные массы подвижных, в основном бронированных, войск стремительно продвигались вперед, по сходящимся к Минску направлениям.

Главная роль в решении задачи по освобождению столицы Белоруссии отводилась 3-му Белорусскому фронту, основу ударной группировки которого составляли 5-я гвардейская танковая армия маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова, конно-механизированная группа под командованием генерал-лейтенанта Н.С. Осликовского и наш 2-й гвардейский танковый корпус. Стремясь полнее использовать благоприятную обстановку, сложившуюся в полосе фронта, командующий войсками фронта генерал армии И.Д. Черняховский потребовал от подвижных войск повысить темпы наступления.

Собственно говоря, Иван Данилович продублировал директиву Ставки ВГК № 220124, полученную им в три часа 29 июня, где наряду с первым требованием войскам 3 БФ «с ходу форсировать р. Березина, обходя встречающиеся опорные пункты противника, и развивать стремительное наступление на Минск» было и второе, прямо указывающее на то, что «Ставка требует от 5-й гвардейской танковой армии стремительных и решительных действий, отвечающих сложившейся на фронте обстановке». Ведь 5 гв. ТА явно задержалась при форсировании Березины в районе Борисова, а ранее, хотя и была поддержана бомбоштурмовыми ударами нашей авиации, почти на двое суток увязла на рубеже села Крупки в боях с бронезаслоном противника, созданным из последнего резерва командующего группы армий «Центр». Озабоченный большими потерями танков Ротмистрова, причины которых были расследованы специально созданной комиссией, и замедлением темпа наступления, Черняховский, сам в прошлом танкист, позвонив маршалу, порекомендовал ему изменить тактику боевых действий, приносившую успех раньше, на степных просторах Дона, под Курском и Корсунью, но не оправ-

дывающую себя здесь, где магистрали зажаты белорусскими лесами, холмами и болотами. Короче говоря, здесь требовалась тактика обходных маневров. Кстати, мы, таинцы, освоили ее сполна, благодаря чему достигали успеха даже в самых, казалось бы, невыгодных для себя условиях.

Но почему столь пристальное внимание Ставка и командование фронтом уделяли стремительности наступления за рубеж Березины? Да потому, что безотлагательно требовалось не дать дезорганизованному в предыдущих сражениях противнику опомниться. От быстрого захвата и расширения плацдармов за Березиной, необходимых прежде всего для того, чтобы помешать отступавшим гитлеровским войскам занять по ее правому берегу оборону на укрепленных позициях, во многом теперь зависел успех всей операции «Багратион».

Тацинский корпус готовился завершить выполнение задачи, поставленной фронтом: стремительно наступать на Черневку, где захватить мост через Березину и плацдарм на ее западном берегу. Но ставалось преодолеть еще около 90 км. Да каких! По пересеченным мелкими илистыми речками заболоченным лесам, по рыхлой песчаной почве. Танкам тут не только не развить скорости, а вообще на многих участках не пройти. В обход по лесным дорогам? Но они были приведены в совершенно непроезжее состояние: перекопаны глубокими канавами, перегорожены завалами деревьев, а мосты сожжены или разобраны.

От местных жителей мы узнали, что гитлеровцы лишь в редких случаях решались соваться в этот глухой край — боялись народных мстителей. Ну, а мы-то, наоборот, надеялись на партизан, местных жителей. И верно, на помощь нам из окрестных деревень шли стар и млад. Растаскивали завалы, насыпали проходы, стелили гати. Восстановили мосты через речки Ослик, Можу у деревни Ухвалы и через все другие, мелкие и заболоченные. И что не менее важно, белорусы, садясь проводниками на броню, показывали танкистам тайные объездные тропы, известные только им.

Машины, особенно колесные, то и дело буксовали, застревали. Столкнуть такую хотя бы на обочину — и то требовались большие усилия. Части корпуса растянулись по лесам и болотам от Ухвалы более чем на 20 км. Каждый километр приходилось брать буквально штурмом. Выйти к Березине в установленный командованием срок оказалось не по силам. Лишь к полудню 30 июня шедшую в голове

корпуса 26 гв. тбр местные жители вывели лесом вдоль восточного берега речки Бобр (левый приток Березины) на опушку в полутора километрах от Черневки. Отсюда открывался вид на мост.

Сама по себе Березина в том месте не очень широка. Но глубока, извилиста, а берега в ее пойме заболочены. Поэтому мост, построенный немцами, был довольно длинным — около 400 метров, причем рассчитанным на двухстороннее движение. Его роль — дублировать мост, имевшийся выше против течения Березины — в Борисове, на случай вывода того из строя или маневра войсками. Именно на мост близ Черневки рассчитывали прорывавшиеся из-под Могилева моторизованные соединения врага. Их изрядно потрепанные колонны отходили на запад к Березине почти параллельно с движением нашего корпуса. Но мы снова сумели опередить врага и выйти к реке раньше.

Одно только плохо: на этот раз с ходу овладеть переправой танцам не удалось. Как только передовой отряд танков 26-й бригады устремился в атаку на позиции левобережной охраны моста, немцы, отстреливаясь, бросились к машинам и на большой скорости проскочили на западный берег. А их спецкоманда в последний момент успела взорвать заминированную восточную часть моста. Вскоре из-за реки открыла шквальный огонь артиллерия врага, и танки пришлось отвести из-под обстрела.

Когда основные силы корпуса стали подтягиваться к Черневке, первый бой за мост уже стих. Своих переправочных средств для танков и САУ мы не имели, поэтому рассчитывать приходилось главным образом на захват всего моста. Штаб фронта потребовал ускорить форсирование Березины, чтобы затем нанести удар по вражеским войскам вдоль правого берега в северо-западном направлении до района города Борисова. Ведь противник, которому уже стало очевидным направление главного удара войск 3 БФ, стягивал туда почти все свои резервы.

К тому времени вступивший в командование армиями группы «Центр» генерал-фельдмаршал В. Модель (фельдмаршала Буша за неудачи в Белоруссии Гитлер сделал козлом отпущения и сместил с поста 28 июня) сделал все, что было в его силах, но сдержать напор советских войск не смог. Прежде он обрел известность своим умением организовать жесткую оборону. Теперь же под давлением создавшегося положения решил перейти к гибкой обороне. Приказал оперативной группе генерала Заукена, ядром которой стала 5-я тан-

ковая дивизия, прикрыть широкую брешь, образовавшуюся к северу от Минска, а 12-й и 4-й танковым дивизиям, подтянутым с юга, перейти в район Столбцов, к югу от Минска, и обеспечить для отступавшей 4-й армии переправы через Березину. Но все оказалось напрасным. На переправах гитлеровцев опередил наш Тацинский корпус, а в районе Борисова резервы врага перемалывали соединения 5-й гвардейской танковой, 11-й гвардейской и 31-й армий. Там шли тяжелые кровопролитные бои, и намечаемый прорыв Тацинского танкового корпуса в тыл борисовской группировке врага помог бы ускорить ее разгром.

Форсировать реку на подручных средствах могли, разумеется, не танковые, а лишь мотострелковые подразделения. Приступить к этому следовало сразу же под покровом ночи, пока противник не подтянул сюда самоходные орудия. Но 4 гв. мсбр, не имевшая автомашин высокой проходимости, была еще в пути (она подошла к Березине только на рассвете 1 июля). Пришлось командиру корпуса на первых порах рассчитывать лишь на батальоны автоматчиков из танковых бригад да на корпусные саперный и разведывательный батальоны.

С наступлением темноты танки были поставлены на прямую наводку, чтобы бить по обнаружившим себя огневым точкам врага. Как только автоматчики на плотках, лодках и вплавь, толкая перед собой бревна, стали пересекать русло реки вдоль моста по обе его стороны, правый берег засверкал злыми вспышками пулеметных, минометных и пушечных стволов. А ведь перед началом форсирования по вражескому берегу нанесли мощный удар «катюши» гвардейского минометного дивизиона из состава сил нашего корпуса. Не пробили, выходит, необходимой брешки. Оборона оказалась сильно укрепленной — прибрежную деревню Мурово противник превратил в прочный опорный пункт.

Наконец, гитлеровцы, видимо, потеряв надежду на подход своих частей к Березине, облили бензином и подожгли западный пролет моста над поймой реки. С подрывом его на этот раз у них ничего не вышло — наши саперы успели перерезать провода, что вели к зарядам взрывчатки.

Самоотверженно и храбро действовали бойцы саперного подразделения во главе с командиром роты гвардии старшим лейтенантом Борисом Овчинниковым. В атаку на разбушевавшееся пламя повел саперов своего отделения гвардии младший сержант Евстафий Ани-

симов. Они пытались сбить огонь с бревен настила плащ-палатками. Задыхаясь в едком дыму, находили и обезвреживали взрывчатку на мостовых опорах. Рои сверкающих пуль неслись с двух сторон. С левого берега — над их головами. Это прикрывали боевых друзей огнем из автоматов и пулеметов бойцы разведбатальона. А с правого берега били фашисты. Но прицельного огня у них уже не получалось — накрывали взрывы снарядов, посланных нашими танковыми орудиями.

Достигнув западного берега, ринулись в атаку наши стрелки. Отделение автоматчиков гвардии сержанта Евгения Бикбова в рукопашном бою уничтожило 27 гитлеровских солдат и офицеров, гранатами подавило огонь трех дзотов. Гвардии рядовой Александр Рябов под сильным огнем первым ворвался в траншею и уничтожил расчет вражеского пулемета, который своим огнем не давал подняться в атаку бойцам батальона. Несколько дзотов и траншей, где занимала оборону охрана западного предместья, очистила рота автоматчиков под командованием гвардии лейтенанта Александра Волкова...

Все эти названные поименно гвардейцы — автоматчики и саперы — потом были удостоены звания Героя Советского Союза.

Упорно сопротивлявшегося врага приходилось выкуривать из каждого дзота, блиндажа, окопа. Ожесточенный бой постепенно переместился к западу, в деревню Мурово...

Характерно, что река Березина в 1812 году была свидетелем гибели армии Наполеона. Теперь же здесь под ударами наших войск терпели поражение войска вермахта. Действительно символический рубеж! И мы стремились овладеть им изо всех своих сил.

Спасти настил моста и верхнюю часть его опор все же не удалось — сухие бревна горели быстро. Но восточную часть моста саперы уже восстановили. К остаткам западной его части вскоре сделали пристройку, положили настил — и пошли по этой переправа, стрелковые и минометные подразделения. Пока — без танков, без тяжелых орудий и автомашин.

Хорошая мысль пришла в голову командира мотосаперного батальона гвардии майора А. Мельникова. Он предложил нарастить сгоревший участок моста за счет использования настила со второй, параллельной стороны переправы. Работа закипела. Заготовленных прежде бревен и снятых с настила хватило, правда, только на то, что-

бы сделать довольно крутой спуск на заболоченную пойму. А по ней пришлось проложить гать, собирая различный подручный материал.

Обстановка торопила. На рассвете 1 июля командир группы боевого охранения с южной стороны доложил, что встретил крупную колонну вражеских машин с пехотой и орудиями. Возникла угроза левому флангу и тылу нашего танкового корпуса. Правда, гитлеровцы задержались у разрушенной партизанами переправы через речушку (приток Березины) у села Орешковичи, но, надо полагать, ненадолго. И тогда по приказанию генерала А. Бурдейного я направил выделенный из своей бригады 2-й танковый батальон гвардии майора А. Радаева, усиленный ротой автоматчиков и батареей САУ из 401-го гвардейского самоходно-артиллерийского полка.

Эта группа вышла к Орешковичам в момент переправы вражеской колонны по восстановленному мосту. Хотя несколько самоходок «артштурм» уже успели перебраться на западный берег, развернуться для отражения внезапной нашей атаки они не успели. И понесли потери от первых же танковых снарядов. Надо все же отдать должное противнику, он затем оказал упорное сопротивление. Жаркий бой затянулся почти на два часа. К концу его на полянах, подходах к переправе горели вражеские самоходки, жирно чадили черным дымом горящей резины автомашины. Занялся жарким пламенем и лес вокруг места боя. Остатки разгромленной колонны бросились вспять, оторвались от преследования.

Боевой успех группы Радаева был несомненным, но не проходила на сердце тревога. Сколько еще таких колонн из Могилевской группировки врага, чья система обороны разваливалась под ударами советских войск, торопятся к Березине с восточного направления? К тому же командир 4 гв. мсбр доложил в штаб корпуса, что за арьергардом его бригады едва не по пятам следовали части противника. Не оказаться бы нам на берегу Березины зажатыми во вражеские клещи.

Танки 2-го гвардейского корпуса пошли по мосту в шестом часу утра. Из-за того, что бригада гвардии полковника С. Нестерова в ту пору была ослабленной (около половины ее боевой техники находилось в ремонте и частично застряло в пути по болотам), а наша 4-я гвардейская бригада оказалась в неполном составе (как известно, 2-й батальон вел бой под Орешковичами), генерал Бурдейный в

голову корпуса поставил 2-ю бригаду, нацелив гвардии полковника С. Булыгина на охват с фланга и тыла группировки гитлеровских войск под Борисовом (в помощь 5-й гвардейской танковой армии).

Пропускная способность переправы через Березину была для нас недостаточной, поэтому последние части Тацинского корпуса смогли перейти на западный берег лишь в ночь на 2 июля. К тому времени головная 2 гв. тбр уже успела выйти под Борисов. Не следует переоценивать значения ее рейда. Ведь Борисов еще до ее подхода освободили от гитлеровцев войска 5-й гвардейской танковой, 11-й гвардейской и 31-й армий. Но можно с уверенностью утверждать, что дезорганизацию во вражеский тыл танкисты Булыгина внесли.

Боевые порядки танков маршала Ротмистрова и частей 11-й гвардейской армии в том районе получились переуплотненными, и необходимость в подтягивании туда основных сил Тацинского корпуса отпала. Если взять это в расчет, тацинцам теперь целесообразно было бы наступать прямо на Минск, хотя сил у корпуса после ухода бригады Булыгина и поубавилось. Однако главное сомнение заключалось в другом. Возможен ли быстрый проход танков через сплошь лесисто-болотистый район?

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ РЕЙД К МИНСКУ

Сомнения в танкопроходимости района южнее главных магистралей на участке Борисов — Минск, видимо, возникли и в штабе 31-й армии, в оперативном подчинении которой Тацинский корпус находился с 29 июня. Потому-то приказ командарма, поступивший в штаб корпуса около полудня 1 июля, требовал с рассветом 2 июля начать активные боевые действия в направлении от Черневки на Жодино, а от него уже вдоль железнодорожной магистрали — к хутору Великий Лес (9 км севернее Смолевичей).

Сомнения отпали после встречи с партизанами. Вначале один из местных жителей помог разведчикам корпуса установить связь с партизанским дозором, а тот вывел представителей командования на штаб 1-й Минской бригады народных мстителей. Как это происходило, поведал после войны в своих рукописных воспоминаниях Герой Советского Союза генерал-полковник А.С. Бурдейный:

«Наша группа быстро углубилась в лес. Минут через сорок добрались до речушки, запруженной бревнами так, что ни на машинах, ни на конях не проехать.

— Ничего, зараз все зробоимо, — сказал старший партизанского дозора и свистнул особым посвистом. На противоположном берегу тотчас появились несколько человек. Наш проводник объяснил им, что нужно срочно расчистить брод от бревен. «К нам идет Красная Армия!» — крикнул он. И тут, как из-под земли, выскочили партизаны, партизанки, дети. Они где-то спустили воду и в считанные минуты растаскали в стороны бревна. В воздух полетели фуражки, платки. Крики «ура», на глазах у всех — слезы радости...

Сердечной получилась и встреча с командиром 1-й Минской партизанской бригады товарищем Е.А. Ивановым на его командном пункте. Я спросил его о возможности прохода отсюда кратчайшим путем в район Смолевичей южнее автомагистрали. И выяснилось, что вся лесисто-болотистая местность юго-восточнее Борисова и Смолевичей находится в руках партизан, все входы в этот район заминированы, перекрыты лесными завалами и охраняются, а мосты через лесные речушки разобраны. Но проход все же есть, и проводники покажут нам маршрут, каким можно миновать заболоченные места. Товарищ Иванов заверил, что к утру 2 июля партизаны успеют снять минные заграждения с намеченного маршрута и разобрать завалы...»

О результатах столь обнадеживающей встречи вскоре было доложено в штаб фронта. Командир корпуса просил разрешения на вывод сил соединения прямо под Смолевичи с юга. Ответ заставил себя ждать более двух часов. А пока тацинцы готовились к действиям по двум вариантам, чтобы быть готовыми к немедленному выполнению любого из них. Наконец начальник связи корпуса с довольным видом доложил генералу Бурдейному короткую радиogramму: «Разрешаю. Черняховский». Значит, командующий войсками фронта по достоинству оценил возможность расширить полосу наступления за Березиной.

Двум танковым и мотострелковой бригадам, всем частям Тацинского корпуса (двум полкам самоходной артиллерии, зенитно-артиллерийскому и минометному полкам, минометному дивизиону «катюш» и трем отдельным батальонам) была доведена уточненная задача: через партизанский район обойти Смолевичи с юга, перерезать железнодорожную магистраль Москва – Минск, автостраду и к исходу 2 июля захватить рубеж по населенным пунктам Королев Стан, Битая Гора, Старина. Что касается 2 гв. тбр, она оставалась действовать пока в отрыве от основных сил корпуса, в боевых порядках 31-й армии, теснившей противника вдоль автострады через Гливино, Струпень на Жодино.

Наш рейд начался на рассвете 2 июля. В центре колонны вслед за головной 26 гв. тбр шла наша 4-я. Партизаны как нельзя лучше выполняли свое обещание. Их проводники находились на каждом головном танке роты, батальона, бригады. А путь нам жители лесных деревень успевали расчистить далеко вперед, маршрут был выбран удачно, и танки местами развивали скорость до 50 км/ч. Быстро шли.

Задержки могли быть только из-за горячих встреч с населением деревень. Люди стремились приветить нас всем, что имели. Их восхищала броневая и огневая мощь армии-освободительницы. Рейд стал своеобразным боевым парадом таинцев. После коротких бесед с местными жителями, которые рассказывали о зверствах фашистов на белорусской земле, бойцы и командиры еще яростнее рвались в новые бои для изгнания ненавистных оккупантов.

Проводники на танках сменялись по мере того, как мы, двигаясь через Маконь на Студенку, пересекали одну за другой зоны, контролируемые партизанскими отрядами имени Щорса, имени Чапаева... А партизанские разведчики на всем пути по лесам и в дальнейшем обеспечивали нас подробными данными о войсках противника в районе Смолевичи — Минск.

Так, без единого выстрела, танки с белой стрелой на башнях углубились во вражеский тыл еще на 50—60 км. Во второй половине дня гостеприимный партизанский район остался позади. И вскоре разведка донесла, что западнее села Студенки обнаружила позиции нескольких батарей полевой артиллерии, оборудованные на холмах и гребнях возвышенностей. А между ними — дзоты и траншеи, занятые пулеметчиками и автоматчиками. Весь рубеж обнесен проволочными заграждениями и прикрыт минными полями.

Гитлеровцы не преминули встретить нас огнем противотанковой и зенитной (поставленной на горизонтальную наводку) артиллерии. Как выяснилось затем, это мы оказались перед оборонительным рубежом, прикрывавшим подходы с юго-востока и юга к Смолевичам — крупному узлу шоссейных и железных дорог, одному из звеньев обороны Минска на дальних подступах к нему.

Обе наши танковые бригады развернули свои тридцатьчетверки в линию батальонных колонн и ринулись на врага: 4 гв. тбр — в направлении на деревню Черница, а 26-я — немного левее. Появление советских танков из района, считавшегося непроходимым для них, оказалось неожиданным для врага и ошеломило гитлеровцев. По крайней мере, их сопротивление оказалось здесь менее сильным, чем следовало ожидать. Мы довольно быстро подавили огонь батарей и, уничтожив около сотни пехотинцев, заняли командные высоты южнее Смолевичей.

Почти к самой окраине городка пробился 3-й, правофланговый батальон нашей бригады. Комбат гвардии капитан П. Ключко с высотки уже хорошо видел, как загроможденно метались по улицам гитле-

ровцы. И, быстро определив наиболее важные цели, приказал экипажам открыть беглый огонь по самоходкам и батареям. Взрывы снарядов, выпущенных из танковых орудий, накрыли артиллерийские позиции противника. Гвардейцам удалось поджечь и несколько самоходок.

Очень было заманчиво обрушиться на Смолевичи всеми силами бригады. Но я сдержал себя. Вяжешься сейчас в довольно затяжной бой, а ведь этого следует избегать. Смолевичи все равно потом долго не продержатся. С северо-востока доносилась артиллерийская канонада: там вдоль автострады обходили этот узел сопротивления передовые части 31-й армии и наши боевые друзья — танкисты 25-й гвардейской бригады под командованием гвардии полковника Булыгина. А наша главная задача — быстрее вперед, чтобы раздробить оборону противника перед Минском, отрезать недобитой борисовской группировке гитлеровских войск пути отхода под стены большого города. И генерал Бурдейный утвердил это мое решение. Правда, оставил для завершения штурма Смолевичей часть 4 гв. мсбр, усилив ее 1500-м самоходно-артиллерийским полком.

Обороне Минска, где размещалась главная штаб-квартира группы армий «Центр», ее командование придавало большое значение. Столица Белоруссии уже более трех лет находилась под гитлеровской оккупацией. И сюда, под стены крупного города, были стянуты значительные силы, способные, по мнению генералов вермахта, задержать наступление советских войск и дать возможность отвести потрепанные на рубежах Днепра и Березины соединения 4-й армии. Удержать заранее подготовленные на подступах к Минску рубежи противник намеревался путем вовлечения остатков отходивших частей трех пехотных, гренадерской, моторизованной и танковой дивизий. Из этих войск для обороны города спешно формировались так называемые чрезвычайные полки и боевые группы. Наряду с ними были привлечены несколько полицейских полков, подтянутых из резерва группы армий «Центр». На окраинах города гитлеровцы отрыли окопы, оборудовали дзоты и позиции противотанковых батарей. Основные дороги, ведущие к Минску, были на его окраинах перерезаны противотанковыми рвами и заминированы.

Однако все расчеты врага сорвали стремительные действия подвижных групп войск 3-го Белорусского фронта: 5-й гвардейской танковой армии, конно-механизированной группы под командованием

генерал-лейтенанта Н. Осликовского и нашего 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Причем корпус благодаря стремительности своего наступления и выполнению выгодного маневра вышел в авангард всех подвижных групп на минском направлении, а 4 гв. тбр сражалась на самом острие этого броневангарда.

К исходу дня 2 июля, обходя узлы сопротивления, но сбивая вражеские посты прикрытия, части Тацинского корпуса достигли рубежа деревень Королев Стан — Битая Гора. Здесь гитлеровцы оказали наступающим упорное сопротивление. Наша бригада атаковала, продвигаясь в голове боевых порядков корпуса, и вечером выбила фашистов из деревни Жуков Лог. Короткий, но жаркий бой произошел и под Юхновкой — деревней северо-восточнее Минска. Атакуя врага, в боевых порядках 1-го батальона рядом вели танки своих взводов гвардии капитан Р. Коба и гвардии старший лейтенант М. Морозов. Они почти одновременно увидели, как с фланга ударило орудие тщательно замаскированной батареи. Морозов первым принял решение. И в самый раз. По его команде тридцатьчетверки взвода разом изменили направление и, открыв с ходу огонь по целеуказанию командира, ворвались на позицию батареи. Стальными гусеницами раздавили вражеские орудия, а пулеметными очередями косили разбегавшуюся прислугу. С опасной для батальона противотанковой батареей было покончено в считанные минуты.

Так же инициативно, с боевой дерзостью действовали многие командиры подразделений и экипажей.

Правда, инициатива инициативе рознь. Иная бывает и наказуема. Во время продвижения после боя под Юхновкой я вдруг обнаруживаю, что в наших боевых порядках произошло опасное изменение: основные силы бригады оказались без прикрытия с фронта. Шедший в головном отряде 2-й батальон гвардии майора А. Радаева резко уклонился к югу от заданного ему направления. В чем дело? Увлекся, оказывается. Богатырь-волгарь с бьющей через край энергией, не унывающий ни при каких обстоятельствах, Александр Радаев был лихим танкистом, решительным и дерзким в боевых действиях командиром. Только дерзость его порой перехлестывала через край туда, где начиналась «вольница» с непредсказуемыми последствиями.

Вот и на этот раз, когда боковой дозор батальона обнаружил в нескольких километрах по левому флангу на дороге от деревни Гнездиловичи большую вражескую колонну (под прикрытием танков

двигались грузовики с пехотой в кузовах и орудиями на прицепах, а вперемежку — самоходки) и доложил о том, тут и разыграло у комбата ретивое. По его команде тридцатьчетверки развернулись и, лихо атакуя, врубались в колонну стальной лавиной. Уничтожили несколько танков, САУ и десятки автомашин. Бой постепенно смещался к югу, батальон все дальше отрывался от основных сил бригады, подвергая тем самым нас опасности быть атакованными внезапно.

Пришлось за это сделать Радаеву серьезное внушение. Ну, а за то, что своим батальоном много боевой техники врага сжег и передал, уничтожив при этом сотни фашистов, Александр Александрович потом был представлен к ордену Красного Знамени, который и украсил вскоре его богатырскую грудь.

Награды придут позже. А теперь — что же: 2-й батальон отстал, фактически оказался во втором эшелоне. И чтобы обеспечить свободу действий основным силам бригады, я приказал Радаеву стать с батальоном в прикрытие восточнее деревни Королев Стан.

Вскоре танки нашей бригады перерезали Минское шоссе. Генералу А. Бурдейному я тотчас доложил:

— Осталось 15 километров.

На ближних подступах к ожидавшей освобождения столице Белоруссии я в ближайшие часы еще не раз повторю по рации эту фразу с небольшим, но с каждым разом все более важным изменением: «Осталось 10..., 5...»

По шоссе в сторону Минска откатывались вражеские части, потрепанные в боях восточнее города, а с запада на помощь им спешили резервы. Грозной преградой на пути тех и других стали танкисты гвардии майора Радаева. Остальные танковые батальоны нашей бригады продолжали наступать на Минск, следуя по северной и южной сторонам, разграниченным лентой шоссе. Но сразу за Королевым Станом в темноте наступившей ночи мы напоролась на хорошо подготовленный оборонительный рубеж гитлеровцев и попали под шквальный огонь артиллерии.

На своем Т-34 я шел в боевых порядках головного отряда, как вдруг — слепящие вспышки и грохот взрывов, сплетение огненных трасс. С неба расплескался мертвенный свет ракет. Но внимание привлекают багровые всплески огня по сторонам. Это вспыхнула одна из подбитых тридцатьчетверок, вторая... Из люков выскакивают танкисты, катаются по земле, сбивая языки пламени с комбинезонов...

Обстановка, короче говоря, на этот раз не в нашу пользу. Как позже довелось узнать, немцы окопали там на скатах высот, господствующих над местностью, свыше десятка танков Т-VI «Тигр» и Т-V «Пантера», а между ними установили на замаскированных позициях батареи противотанковых пушек и самоходки «артштurm». В траншеях засели сотни гренадеров. Словом, система огня была организована противником весьма тщательно.

Оценив ситуацию, я понял, что так вот с ходу этот орешек не раскусить. Надо изменить схему боя. Для атаки с фронта вдоль шоссе оставляю подтянутый сюда батальон Радаева, а силами 1-го и 3-го батальонов решил нанести удары с флангов. Обойти рубеж скрытно удалось через найденные нашими разведчиками разрывы в боевых порядках гитлеровцев. Ночной бой получился коротким и яростным. Гвардейцы метким огнем сожгли пять танков и еще несколько подбили, подавили две артиллерийские батареи, уничтожили около 40 автотягачей и до батальона живой силы врага. А те немногие из оборонявшихся, кому удалось уцелеть, поспешно бежали под стены города.

Так был разгромлен последний рубеж обороны врага непосредственно на подступах к Минску. К тому времени действовавшие справа и слева от нас 25-я и 26-я гвардейские танковые бригады корпуса тоже сбили заслоны противника у деревень Скураты и Битая Гора. Путь на Минск теперь был открыт!

КАК БЫЛ ОСВОБОЖДЕН МИНСК

Было уже около полуночи 2 июля, когда я доложил о результатах боя за Королев Стан командиру корпуса. Открывалась очень заманчивая перспектива: на плечах у разгромленного врага прямо сейчас ворваться в город. Да только возможностей для этого у Тацинского корпуса осталось совсем мало. Ведь за минувший длинный день танки с белой стрелой на башнях преодолели более сотни километров напряженного пути, сбили врага с двух рубежей обороны. Если учесть тяжесть этих боев, то куда же больше! Требовалась передышка. Хотя бы маленькая, хотя бы часик дать людям поспать, а то ведь иные уже валились с ног от чрезмерной усталости. Впрочем, и на час-то не сомкнуть глаз, пока боевые машины не заправлены горюче-смазочными материалами, не подвезены снаряды и патроны. Передышка у танкистов обычно начинается с проявления заботы о восстановлении боевой готовности техники и вооружения.

Требовалось также учесть, что в ночном городе вести уличные бои танкам крайне невыгодно — нет простора для маневра, а фашисты из любой подворотни могут вклепать в борт снаряд или забросать машину гранатами. Расположение улиц и площадей, что необходимо знать для ориентировки в движении к заданному объекту-цели, вначале тоже было весьма слабым местом в нашей подготовке. Надежды только на смекалку гвардейцев все же недостаточно для полного успеха. Но тут мой боевой друг гвардии подполковник Александр Крыжановский задался вопросом: почему бы не воспользоваться знаниями уроженцев и бывших жителей Минска? А таких отыскалось несколько в подразделениях нашей бригады. И Александр Андреевич организовал их беседы у карт города прежде всего с командирами экипажей и механиками-водителями танков.

Так, во 2-м батальоне ряд таких бесед-занятий провел механик-водитель танка гвардии старшина В. Белькевич. В родной Минск, где в оккупации оставались его мать и сестры, Валентин прошел с боями путь от самого Сталинграда. Рассказывая боевым товарищам о своем городе, он, конечно же, тревожился неизвестностью о судьбе близких, горел стремлением быстрее пробиться к ним. Эти чувства передавались гвардейцам бригады, и они тоже рвались в бой за окончательное освобождение столицы Белоруссии. Благородные эти чувства помогали бойцам подавлять усталость.

О направлениях главных улиц, переправах через речку Свислочь, пересекающую город, и особенностях подходов к ним обстоятельно рассказывал, проводя беседы в батальоне, и гвардии лейтенант С. Шевчук, тоже уроженец Минска...

Пока в бригаде шла необходимая подготовка, я, чтобы уточнить положение противника на восточной окраине города, направил туда разведгруппу. Было уже около двух часов ночи наступившего 3 июля, когда разведчики пробрались к поселку обсерватории, где обнаружили оборонительный рубеж: за обводом противотанкового рва — окопы, дзоты, танки и орудия в капонирах. А подходы ко рву прикрыты минным полем. На этом рубеже вражеское командование группировало остатки отходивших подразделений и уже успело организовать довольно мощную систему огня, рассчитывая сорвать здесь наступление советских войск.

Что мне оставалось делать, получив донесение разведки? Ожидать подхода основных сил корпуса? Нет, утратятся внезапность и преимущество атаки под прикрытием ночной тьмы. По опыту хорошо знал, что внезапная атака даже меньшими, чем у противника, силами может принести успех. Вот только атаковать в лоб мощный оборонительный рубеж совершенно невыгодно — обречешь себя на большие потери.

Надо немедленно нащупать слабый участок в обороне противника. Для решения этой задачи более других подходил танковый взвод гвардии младшего лейтенанта Д. Фроликова. Я уже рассказывал об исключительной храбрости, мужестве и боевой смекалке этого офицера. Два тяжелых и два легких ранения имел он в ходе ожесточенных боев, дважды горел в танке. Но только тверже становился характер воина от этой огненной закалки, росла ненависть к гитлеровским захватчикам. Посылая в боевой дозор, на него можно было положиться твердо, как на самого себя.

...Заурчали, пыхнули выхлопом дыма мощные двигатели — и три танка быстро скрылись, удаляясь по лесной просеке. Впереди шла машина командира взвода, за ней — тридцатьчетверки гвардии младших лейтенантов В. Зенкина и П. Тарасова. Приблизившись скрытно к северо-восточной окраине Минска, гвардейцы тщательно обследовали окрестности и обнаружили у дороги позицию лишь одной батареи противотанковых пушек. Каких-либо других прикрытий на этом направлении у противника не было. Приказав экипажу Тарасова оставаться пока в укрытии и по мере необходимости поддерживать танковую атаку огнем, Фроликов в паре с Зенкиным на полной скорости машин рванул вперед. Ни одна из пушек батареи не успела сделать и единого выстрела, как все были смяты страшными для врага гусеницами Т-34. Промчавшись грозным вихрем еще около двух километров совершенно беспрепятственно, Дмитрий Фроликов остановил горячую машину и, осмотревшись, вышел на радиосвязь со мной:

— Орел-1, Орел-1, я — Орел-10. Путь свободен, фашисты бегут в панике! Какие будут приказания?

Приказание одно: пробиваться к центру города и почаще докладывать обстановку — за ним пойдет вся бригада.

Полученное донесение помогло мне окончательно убедиться в том, что противник не успел организовать сплошной усиленной обороны по всей северо-восточной окраине города. Совершенно внезапно оказался для него выход наших танков под стены Минска в ночь на 3 июля, вызвал панику в его стане, деморализовал. Значит, хотя бы частью сил корпуса надо ворваться в город раньше подхода резервов, подтягиваемых командованием группы армий «Центр», упредить отходившие к Минску соединения противника и обезопасить себя от контратак с флангов. Значит, основное направление удара силами бригады — вдоль Логойского шоссе. Здесь пойдут танковые батальоны комбата-3 — гвардии капитана П. Ключко и комбата-1 — гвардии майора Н. Масташова, усиленные подразделениями автоматчиков из состава моторизованного батальона гвардии майора Н. Чаловского. А с восточной стороны вдоль Минского шоссе наступать 2-му танковому батальону гвардии майора А. Радаева с танкодесантной ротой автоматчиков. Особо важной задачей для всех атакующих подразделений ставился захват мостов и бродов через Свислочь, пересекающую город почти по центру. Надо не дать про-

тивнику возможности воспользоваться рекой как естественным рубежом, за которым легче организовать оборону и перейти к затяжным уличным боям, всегда кровопролитным и невыгодным для танков.

Мы полагали, что быстрое выдвижение танковых батальонов через весь город на западную его окраину нарушит систему управления вражеским гарнизоном, лишит его возможности оказать организованное сопротивление нашим войскам. Фактически так оно и получилось.

В атаку всеми своими силами наша бригада пошла из района деревни Уручье в 3 часа утра. Действовать совместно с танкистами на центральном направлении командир Тацинского корпуса гвардии генерал-майор А. Бурдейный приказал 4 гв. мсбр под командованием гвардии подполковника М. Антипина. В тот предрассветный час все части 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса получили по радио кодовый сигнал «555», то есть начать наступление на Минск из своего исходного района. Справа от нашей 4 гв. тбр выдвигалась из района Скурат параллельно Логойскому шоссе 25 гв. тбр под командованием гвардии полковника Семена Булыгина, получившего задачу охватить вражеские войска в северо-западной части города и там их разгромить.

От Острошицкого Городка к Минску устремились бронеколонны 3-го корпуса 5-й гвардейской танковой армии. Как это уже известно, танкисты маршала Ротмистрова раньше, в районе Борисова, действовали не столь решительно, как того требовала обстановка, чем вызвали недовольство Ставки Верховного Главнокомандования. И бывший в ту пору представителем Ставки ВГК Маршал Советского Союза А.М. Василевский впоследствии в своих мемуарах «Дело всей жизни» констатирует: «Я поставил Ротмистрову задачу к исходу 2 июля освободить Минск, а Черняховский тут же организовал пропуск через мост (на Березине. — О.Л.) танков и самоходных орудий танковой армии вне всякой очереди. Действительно, первыми в столицу Белоруссии 3 июля ворвались танкисты. Но то были воины не 5-й гвардейской танковой армии, а 2-го гвардейского танкового корпуса А.С. Бурдейного». К этому хочется, однако, добавить, что на подступах к Минску гвардейцы маршала Ротмистрова стремились всеми силами наверстать упущенное и обезопасили правый фланг Тацинского корпуса от боев с вражескими резервами.

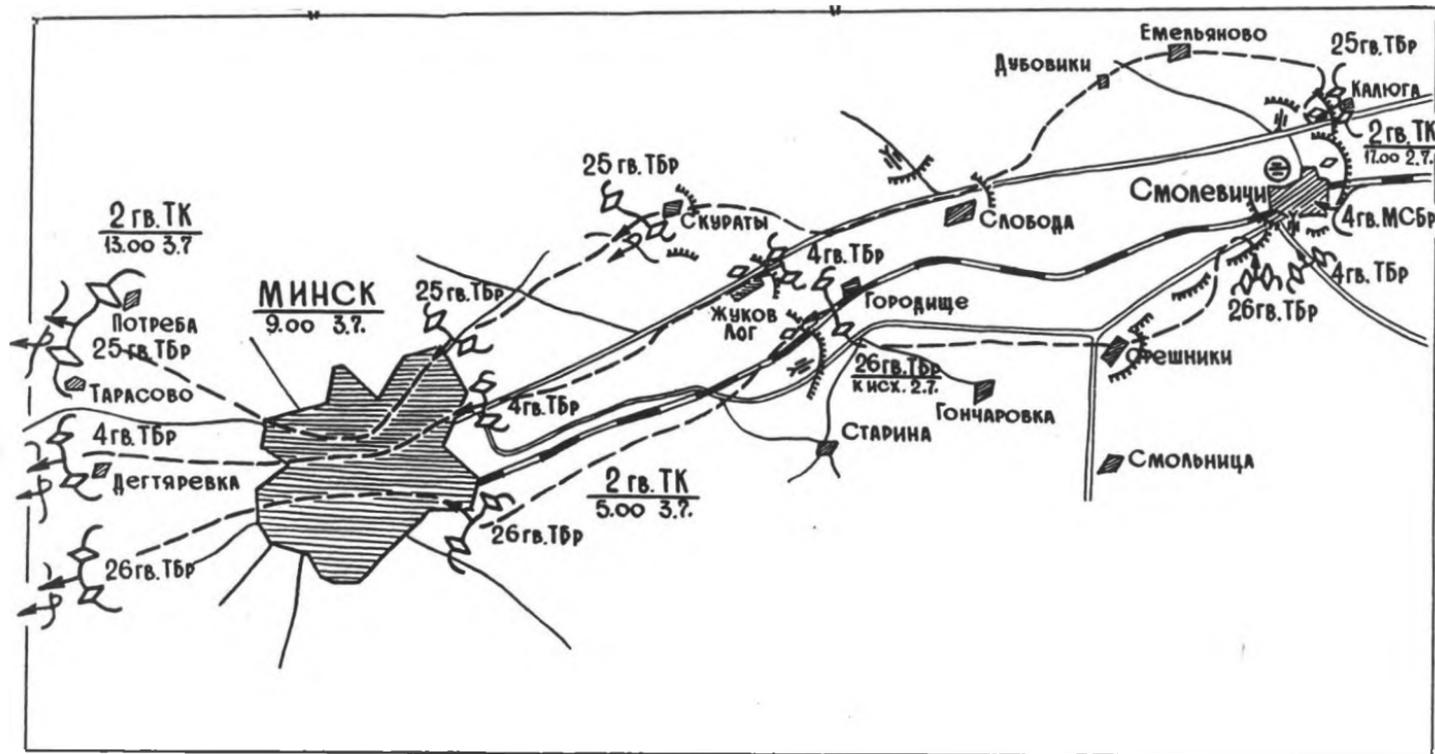

Схема 4. Боевые действия 2-го гв. ТК при освобождении Минска 2-3 июля 1944 г.

Слева от нашей бригады, южнее Минской автострады и направления выдвижения батальона гвардии майора Радаева, действовали гвардейцы 26 тбр под командованием гвардии полковника Степана Нестерова. По тому же направлению торопились к Минску передовые отряды 31-й армии.

Все шоссейные дороги, ведущие к городу с севера и северо-востока, откуда могли нам угрожать в случае отхода от Смолевичей вражеские части, оседлали батареи СУ-85, выдвинутые на рубеж в районе сел Слепне и Подболоть по моему указанию командиром 401-го самоходно-артиллерийского полка майором А. Степановым. С южного направления мы не опасались маневра гитлеровских войск — там они крепко увязли в ожесточенных боях и утром стали отступать от Пуховичей под ударами 1-го гвардейского Донского танкового корпуса (1-й Белорусский фронт).

Итак, еще не рассвело, когда вслед за боевым дозором танки 4 гв. тбр на большой скорости первыми ворвались на улицы Минска, с ходу сбивая заслоны врага. На восточной окраине мы разгромили охрану небольшого аэродрома (после войны на том месте возведено здание киностудии «Беларусьфильм»), уничтожили при этом несколько штурмовых орудий и до батальона живой силы противника. В том же районе танк командира роты гвардии старшего лейтенанта К. Сусидко раздавил гусеницами, ворвавшись на позицию батареи, несколько пушек врага вместе с их прислугой...

Эшелонированные в глубину боевые машины, громяхая и лязгая гусеницами по мостовым, с ревом дизелей, пушечным огнем и пулеметно-автоматными очередями мчались по главной Советской (ныне проспект Ф. Скорины) и другим радиальным улицам, ведущим к центру. Причем именно по Советской прокладывал путь танковым подразделениям экипаж Дмитрия Фроликова. К тому времени из трех машин боевого дозора оставался в действии только его танк с бортовым номером 145, начертанным на башне под белой стрелой. Тридцатьчетверка гвардии младшего лейтенанта В. Зенкина была поражена вражескими снарядами в районе нынешнего бульвара Толбухина, экипаж погиб в полном составе. Не намного дальше принял геройскую смерть и экипаж П. Тарасова. Но боевой дозор свою задачу выполнил, раскрыв систему вражеского огня на самых трудных участках прорыва. И фашисты тотчас поплатились за гибель отважных танкистов. Подоспевшие в голове колонны 3-го батальона танковые взводы гвардии лейтенантов Б. Толоки и

С. Костенко наносили по обнаружившим себя огневым точкам врага сокрушительные удары. Так, экипаж Толоки уничтожил на своем пути три противотанковых орудия и дзот противника.

А экипаж Фроликова неудержимо пробивался вперед, к центру города. Отважный командир недаром учил подчиненных бить врага не числом, а умением — сам в совершенстве владел боевой техникой и оружием, хорошо знал тактические приемы и искусно применял их в боевой обстановке. Он всякий раз напоминал своим боевым друзьям: «Горячего сердца и крепкой руки для достижения победы мало — нужно быть мастером военного дела». И подлинными мастерами были все члены его экипажа.

Виртуозно лавируя между препятствиями, уверенно вел тридцатьчетверку механик-водитель гвардии старший сержант Павел Карпушев. Впрочем, с некоторыми препятствиями, как, например, огневые точки врага, приходилось поступать иначе. Едва они пытались огрызнуться, как их тотчас укрощали наводчик орудия гвардии сержант Владимир Зотов и заряжающий гвардии сержант Василий Косякин. Орудие танка било без промаха. Его снарядами в разных районах города были уничтожены тяжелая самоходка «фердинанд», противотанковая пушка, зенитное орудие. Их расчеты поразил меткими очередями радист-пулеметчик гвардии старший сержант Иван Костюк. На его боевой счет приходится большая часть из тех свыше 30 фашистов, которых экипаж уничтожил на улицах города. И радиосвязью Костюк обеспечивал командира взвода бесперебойно. О всех перипетиях боя и своем местонахождении Дмитрий Фроликов докладывал мне постоянно.

Когда и от комбатов стали поступать донесения о действиях на улицах, я в 5 часов утра радировал командиру корпуса о том, что уже все подразделения 4-й гвардейской бригады ведут бои в черте города, пробиваясь к мостам на реке Свислочь.

В ту пору я шел на танке в боевых порядках 1-го батальона. Мне ни разу не пришлось вмешаться в действия комбата. Гвардии майор Николай Масташов, человек сдержанный и немногословный, был танкистом опытным, в меру расчетливым и вполне решительным командиром, находчивым и храбрым в бою (вскоре после боев за освобождение Минска его назначили моим заместителем). Организованность в 1-м батальоне всегда была на самом высоком уровне. Вот и теперь танки, двигавшиеся сзади, прикрывали своим огнем впереди идущие машины. А передние с ходу или на коротких оста-

новках били по амбразурам в полуподвалах домов и другим целям, обнаруженным с фронта. За танками следовали автоматчики — уничтожали вражеских гранатометчиков, стрелявших из окон домов и с крыш, отсекали бросавшиеся к орудиям артиллерийские и минометные расчеты гитлеровцев. Там, где не было противника или он бежал, не оказывая сопротивления, автоматчики передвигались десантом на танковой броне, наблюдая за окнами и подворотнями домов в готовности тотчас открыть огонь по врагу и спешиться для ведения боя.

Близ городской электростанции мы вступили в яростный бой за мост через Свислочь. На спуске к реке образовалась большая пробка из вражеских автомашин с боеприпасами и военно-техническим имуществом, штабных автобусов и транспортеров. Немцы побросали их, пока наши танки беглым огнем уничтожали зенитную батарею с поставленными на прямую наводку орудиями, а затем вели поединки с «фердинандами». Головному отряду 1-го батальона удалось поджечь три тяжелые самоходки и уничтожить свыше двухсот вражеских солдат и офицеров.

У отбитого моста оставляем охрану и саперов с задачей быстро ликвидировать повреждения и обеспечить переправу основных сил бригады, а сами продолжаем пробиваться к Дому правительства и дальше, дальше...

Успешно действовали и остальные подразделения 4 гв. тбр. Правда, 2-му батальону вначале пришлось совершить вынужденный маневр к юго-востоку, чтобы обойти противотанковый ров. Тем не менее гвардии майор А. Радаев и на этот раз «на вторых ролях» оставался недолго. Когда увидел, что к концу рва примыкают проволочные заграждения и траншеи с вражеской пехотой, тотчас приказал механику-водителю одним махом проскочить по ним наискось и завернуть за дома на окраине. Командирская тридцатьчетверка грозным вихрем смела проволочные сплетения, проутюжила траншеи, расстреливая фашистов из пулемета, и в считанные минуты достигла городской окраины. Но остальные танки батальона подзадержались у траншей — экипажи увлеклись завершением разгрома этого рубежа вражеской обороны. Остудив их радиокомандой «Делай, как я!», Радаев стремительно повел головной отряд тридцатьчетверок кратчайшим путем к центру и вскоре наверстал упущенное время. Ведь механиком-водителем на его танке был минчанин гвардии старшина Валентин Белькевич.

Пожалуй, и Белькевичу трудно было ориентироваться в городе: множество развалин сильно изменили вид улиц — фашистские варвары в период отступления взорвали 23 завода и фабрики, много крупных зданий. Попробуй тут быстро разберись, если бы не толковый юный помощник. Встретился он, мальчишка лет четырнадцати, совершенно случайно у перекрестка, где экипаж сделал короткую остановку для уточнения места. На вопрос командира паренек ответил быстро и внятно, а затем с такой мольбой стал проситься в танк, что Радаев не долго колебался. Пошел на это не без опасения, успокаивая себя лишь мыслью: «Броней, да и своими телами прикроем. Дай только Бог удачи!»

И удача действительно сопутствовала отважным. Даже много лет спустя Александр Александрович вспоминал добрым словом паренка: «Очень помог нам ориентироваться в городе. Он досконально знал все улицы, ведущие к центру. Жаль, фамилию его я запомнил».

По улице Горького танки 2-го батальона вскоре достигли спуска к Свислочи, уже видна понтонная переправа.

— Скорее к мосту! — торопит Белькевича гвардии майор Радаев и в следующий момент, обращаясь уже к гвардии лейтенанту Владимиру Панченко (командиру танка, который на сей раз был в роли наводчика орудия), указывает цель: — Противотанковая пушка за мостом справа, видишь?

— Вижу.

— По пушке — огонь!

— Заряжай! — командует Панченко больше по привычке, чем по необходимости, потому что гвардии сержант Анисим Кныш, понимавший все с полуслова, уже дослал снаряд.

С пушкой врага, расчет которой тоже успел открыть огонь, но в спешке промахнулся, гвардейцы покончили первым же выстрелом. Танк с автоматчиками на броне и белой стрелой на башне с грохотом вымахнул на понтоны. Нескольких автоматных очередей, выкосивших часть охраны моста, оказалось достаточно, чтобы остальные охранники и минеры, готовившие мост к подрыву, подняли руки...

У перекрестка улиц Островского и Немиги экипаж уничтожил еще одно орудие, и Т-34 устремился к площади Свободы. Таким образом в центр города лихой комбат-2 прорвался первым. Над одним из уцелевших на площади зданий вскоре взвилось Красное знамя...

Решительно и напористо атаквали противника в уличных боях танкисты 3-го батальона. Они тоже захватили мост, но под его настилом оказались толовые заряды. Пришлось гвардейцам заняться разминированием. Комбат-3 гвардии капитан Павел Ключко, коренастый и невозмутимо спокойный украинец, ни в чем не допускал спешки и тем не менее уверенно поспевал во всем благодаря деловитости, умению руководить людьми без шума и суеты. С разминированием управились быстро — и вперед! Батальон достиг западной окраины города, когда остальные подразделения 4 гв. тбр еще вели уличные бои. Предусмотрительный Ключко тотчас организовал оборону и систему огня, одновременно в нескольких направлениях танковые дозоры...

Нет числа боевым эпизодам, в каких при освобождении столицы Белоруссии ярко проявились бесстрашие, мастерство и боевая сметка гвардейцев-тацинцев — как танкистов, так и автоматчиков. Последними в составе мотострелкового батальона умело командовал отважный воин гвардии майор Николай Чаловский. В рядах нашей бригады он воевал с марта 1942 года. Вначале — командир минометного взвода, в Тацинском рейде он заменил выбывшего по ранению командира роты и за боевые успехи был награжден орденом Красной Звезды. А теперь за отличные действия в минских уличных боях удостоен ордена Красного Знамени. Впоследствии, за освобождение Каунаса, награжден и орденом Отечественной войны I степени.

Отлично проявили себя в боях на улицах Минска и соседи нашей бригады. Подобно тому, как 4-я шла за танками Фроликова, так и 25-я гвардейская Ельнинская неотступно следовала за головным взводом гвардии лейтенанта Николая Колычева, который прокладывал путь по городу огнем и гусеницами именной тридцатьчетверки. На ее башне было начертано «Николай Обыскалов» — имя командира взвода, совершившего бессмертный подвиг в бою на восточной границе Белоруссии. Водить эту машину — высокая честь, и экипаж Колычева еще в сражениях под Оршей славными делами доказал, что достоин ее. Вот и теперь он с ходу пробился на мост через Свислочь и, захватив его в целости, тем самым обеспечил незамедлительную переправу основных сил батальона под командованием гвардии майора А. Красножена. На западной окраине города взвод Колычева внезапно оказался перед позицией вражеской артиллерийской части. Оценив, что противник только начал развер-

тывать орудия к бою, отважный командир решительно повел взвод в атаку. Танкисты с ходу разгромили батарею, едва та изготовилась к открытию огня. Остальное довершили подоспевшие тридцатьчетверки основных сил батальона (Николай Иванович Кольчев 24.03.45 удостоен звания Героя Советского Союза, почетный гражданин города-героя Минска).

А 26-я гвардейская Ельнинская танковая бригада, ворвавшись в Минск с рубежа южнее Слепянки, вскоре захватила мост у завода имени К.Е. Ворошилова, затем с ходу овладела железнодорожным вокзалом. При этом танкисты батальона под командованием гвардии капитана Д. Васильева подавили артиллерийскую батарею на привокзальной площади и уничтожили множество гитлеровцев, скопившихся на платформах у готовых к отправке эшелонов.

В девятом часу утра на КП Тацинского корпуса поступило настораживающее сообщение: командир 401-го самоходно-артиллерийского полка доложил, что с северо-востока к позициям его батарей, громивших метавшиеся по шоссе мелкие подразделения вражеских войск, приближается большая колонна автомашин.

Чьи они? Не попытка ли гитлеровцев большими силами пробиться в Минск? Правда, мы не без основания полагали, что на том направлении уже все резервы противника втянуты в ожесточенные бои. Наступавшие соединения 2-го Белорусского фронта не оставляли фашистам возможности оторваться и быстро отойти на запад. К тому же советская авиация, прочно удерживая завоеванное господство в воздухе, дезорганизовала планомерное отступление вражеских войск. Фактически все это время соединения воздушных армий и Авиации дальнего действия воспрещали частям 4-й армии вермахта организованный отход к Минску. Кстати, нас, тацинцев, эффективно поддерживали с воздуха, нанося мощные удары по врагу, летчики 3-го штурмового авиакорпуса под командованием генерал-майора авиации М. Горлаченко. Помнится, «летающие танки» Ил-2 893-го штурмового Витебского Краснознаменного авиаполка, которым командовал полковник И. Пстыго (впоследствии маршал авиации, Герой Советского Союза), не раз лишали нас возможности самим расправиться с подходившими колоннами вражеских резервов. Но экипажи тридцатьчетверок с белой стрелой на башне не были в обиде на воздушных бойцов за такие «лишения». Главное — противнику нанесен урон, а славой победителей как-нибудь сочтемся.

К встрече колонны неопознанных автомашин, двигавшихся по Логойскому шоссе, мы изготовились, как того требовала боевая обстановка. Но тревога оказалась напрасной — это подоспел передовой отряд 1-й гвардейской Московской стрелковой дивизии гвардии полковника П. Толстикова (11-я гвардейская армия) со специальной задачей поддержать тацинцев в Минске. И генерал Бурдейный тотчас направил это подкрепление на участок наступления нашей бригады для совместных действий с танковыми подразделениями.

Вслед за нашими батальонами в город вошли и партизанские отряды. К тому же на улицах приступили к активным действиям против врага около 120 боевых групп минского подполья. Народные мстители выбивали засевшие в прочных зданиях группы эсэсовцев, не прекращавших бессмысленного сопротивления, выкуривали их из подвалов, вылавливали на чердаках. По существу, партизаны взяли на себя и организацию комендантской службы в освобожденных районах города, выставили охрану у важных объектов и складов с трофеями.

Разрозненные группы гитлеровцев еще огрызались огнем из подвалов и с верхних этажей зданий, еще наши тридцатьчетверки добивали на перекрестках противотанковые пушки врага, а на улицах стали появляться минчане. Пренебрегая опасностью, женщины, старики и подростки бросались к танкам: «Наши пришли!» Со слезами радости горячо приветствовали нас, освободителей. Кто цветы кидает на броню, кто какие-то подарки, угощение протягивает. Обнимают и целуют автоматчиков, поспешающих за боевыми машинами. Народ ликует, хотя очаги боя вспыхивают тут и там.

Мы хорошо понимали нетерпение минчан — ведь и сами давно ждали этого дня и приближали его изо всех сил! Особенно — белорусы, а их немало сражалось в рядах нашей многонациональной бригады. Бравый гвардеец-старшина Валентин Белькевич разыскал на полуразрушенной улице свой дом и обнял постаревшую от тяжелых переживаний мать, ласково прижал к груди, которую украшали четыре боевые награды: два ордена Красной Звезды, орден Славы 3 степени и медаль «За отвагу». К ним, его наградам, вскоре прибавится и самая высокая — орден Ленина. За Минск, за мужество и отвагу, проявленные в боях за освобождение родного города. Радостной была встреча. И печальной, когда узнал танкист, что сестру оккупанты угнали на работы в Германию.

Коротка была встреча — завтра снова в бой. Прощаясь, сын-гвардеец поклялся матери отомстить фашистским варварам за разрушенный Минск, за горе и страдания своих земляков и близких. Эту клятву Валентин Григорьевич выполнил по-гвардейски: заслужил еще один (пятый уже!) орден — Отечественной войны I степени и с победой вернулся в родной город.

К половине девятого уже все батальоны 4 гв. тбр вышли на западную окраину города. А танки гвардии майора Радаева и там, вырвавшись на простор, настигли отступавшую в направлении местечка Раков механизированную колонну противника. Бой был коротким. Ошеломленные гитлеровцы после первых же выстрелов грозных Т-34 стали бросать оружие и сдаваться.

Докладывая по радиации генералу Бурдейному о выходе нашей бригады из города, я уже не сомневался, что танковые бригады гвардии полковников Булыгина и Нестерова свою задачу выполнили так же успешно. На передовом командном пункте 2-го гвардейского Тацинского корпуса в ту пору находился командующий бронетанковыми и механизированными войсками 3-го Белорусского фронта Герой Советского Союза генерал-полковник А.Г. Родин. «Ознакомился он с твоей лаконичной радиোগраммой, — вспоминал на одной из послевоенных уже встреч со мной Алексей Семенович Бурдейный, — и предложил обстоятельно разобраться, в каком положении находится Минск. Пришлось мне оторвать тебя от дела. Да чего там, главное-то было уже сделано...»

Вызванный по радиации, я отправился на Т-34 обратно через весь город на восточную окраину, где в районе обсерватории оперативная группа штаба корпуса развернула передовой КП. По пути мне довелось, пересекая участки боевых действий соседей, воочию убедиться в том, что подразделения автоматчиков и партизаны подавляют последние очаги сопротивления фашистов. Словом, обстановкой в городе к 9 часам утра тацинцы овладели полностью, хотя уничтожением отдельных мелких групп врага занимались до вечера.

А на КП было так. Внимательно выслушав и сделав необходимые уточнения, генерал Родин в моем же присутствии доложил по радио командующему войсками 3-го Белорусского фронта генералу армии И.Д. Черняховскому о боевом успехе 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Разумеется, из штаба фронта добрая весть без промедления полетела в Москву, в Ставку ВГК.

Около часа спустя в столицу Белоруссии с юга и юго-востока вошли боевые машины 1-го гвардейского Донского танкового корпуса под командованием гвардии генерал-майора танковых войск М.Ф. Панова (1-й Белорусский фронт) и, соединившись с войсками нашего фронта, добивали подразделения вражеского гарнизона на своем направлении.

Важную роль в разгроме противника на минском направлении сыграла 5-я гвардейская танковая армия маршала П. Ротмистрова. Напомню, что еще под Борисовом она отвлекла на себя мощный резерв группы армий «Центр» и в ожесточенных боях сломила сопротивление очень сильной вражеской группировки, разгромив при этом полк хваленых тяжелых танков Т-VI «Тигр». Затем, развивая наступление, охватила Минск прочным заслоном от прорывов противника с севера и северо-запада. С этого направления и вошли в город части ее 3-го гвардейского танкового корпуса под командованием гвардии генерал-майора И. Вовченко. Еще северо-западнее по внешней дуге охвата шла с боями конно-механизированная группа. Правда, после 4 июля ее корпуса (3-й кавалерийский генерал-лейтенанта Н. Осиковского и 3-й механизированный генерал-майора В. Обухова) по решению командующего фронтом стали действовать самостоятельно по расходящимся направлениям. А прежде, накануне освобождения нашими войсками столицы Белоруссии, КМГ овладела городом Вилейка и на рубеже реки Виляя, перерезав железнодорожную магистраль Вильнюс – Минск, отражала попытки противника перебросить резервы 4-й армии вермахта.

К исходу дня 3 июля столица Белоруссии была очищена от фашистских оккупантов полностью. Надо отметить, что ее освобождение прежде всего именно танкистами имело символическое значение. Ведь Минск был первым крупным городом, захваченным в летней кампании 1941 года танковыми частями вермахта. Отсюда автострада, по сути, прямо вела к Москве – сердцу России и всего СССР. И по ней мощный бронеклин группы генерала Х. Гудериана, казалось, неудержимо рвался к нашей столице, а в действительности – к своему сокрушительному декабрьскому поражению. Характерно, что три года спустя вдоль этой же автострады на ее белорусском участке наши танки прошли с боями в западном направлении, чтобы изгнать захватчиков из Минска, значительно быстрее, чем гудериановская армада в «блицкриге» на восток. А ведь «крепостей», укрепрайонов и тщательно подготовленных мощных

оборонительных рубежей на боевом пути наших танковых соединений встречалось несоизмеримо больше, чем три года назад танкам Гудериана. Но другим, более высоким, было теперь военное искусство наших полководцев, творчески освоивших опыт боевых операций, проведенных за три года войны с таким сильным и коварным противником. Другим, более мощным и совершенным, стало наше оружие, каким в достаточном количестве снабдили армию самоотверженные труженики тыла, вдохновлявшие воинов на победу мощным приливом своих патриотических настроений. Поэтому бойцы и командиры показывали на фронте множество примеров яркого проявления массового героизма.

И еще: с освобождением Минска отсюда открывался нашим войскам кратчайший путь к границе гитлеровской Германии и через Восточную Пруссию к фашистскому логову — Берлину. Тяжелый, конечно, путь, потому что гитлеровцы, осознавая быстрое приближение часа расплаты за свои кровавые злодеяния, сопротивлялись ожесточенно, с яростью раненого зверя, обреченного на неминуемую гибель.

Танкисты-тацинцы внесли достойный вклад в достижение главного оперативного успеха. Ведь изгнанием гитлеровцев из Минска было замкнуто кольцо окружения большого количества вражеских войск. Это окружение имеет характерные особенности, заключающиеся в том, что оно было достигнуто, во-первых, путем 10-дневного одновременного наступления войск четырех фронтов, в результате чего в обороне противника была пробита огромная брешь (свыше 400 км в ширину), прикрыть которую гитлеровское командование оказалось не в силах; во-вторых, в ходе неотступного параллельного преследования противника на глубину до 250 км от переднего края обороны. Это — значительный вклад в развитие отечественного военного искусства. В результате обходных и фланговых маневров, выполненных подвижными группами 3-го и 1-го Белорусских фронтов в сочетании с наступательными действиями войск 2 БФ, и с выходом к столице Белоруссии и на рубежи до 60—80 км к северо-западу и юго-западу от нее трех танковых, двух механизированных и двух кавалерийских корпусов был захлопнут огромный «котел» с остатками пяти вражеских корпусов из состава в основном 4-й и частично 9-й армий группы «Центр». Там, в лесисто-болотистом районе-треугольнике между Минском, Червенем и Борисовом, под непрерывными бомбовыми и штурмовыми ударами советской авиа-

ции, артиллерийским огнем и танковым натиском найдут свою гибель тысячи фашистских солдат и офицеров. И тысячи других будут захвачены в плен.

Сокрушительный разгром основных ударных сил группы армий «Центр» стал, по сути, апофеозом скорого полного поражения гитлеровской Германии. Но не сразу фашисты поймут бессмысленность своего сопротивления. Бои в перемещающемся «котле» будут особенно ожесточенными, кровопролитными и затянутся больше чем на неделю.

К двум часам пополудни 3 июля все части 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса заняли по указанию штаба армии рубеж по населенным пунктам Струг — Тарасовка — Кунцевщина — Ажтонишка — Богатыревка — Максимове в 10–12 км западнее Минска. Вначале нам была поставлена задача закрепиться и не допустить возможного прорыва резерва противника на том направлении. К тому же танкам требовалось пополнить боезапас и заправиться горючим. Но тылы корпуса поотстали, и с подвозом горючего получилась задержка. Можно считать это время передышкой для танкистов, хотя, разумеется, оно было потрачено в основном на устранение повреждений техники, полученных в минувших боях.

Между прочим, экипажи Д. Фроликова и А. Радаева — В. Панченко именно там попали под прицел. Нет, не поражающих стволов, а фотокамер армейских корреспондентов, догнавших нас на том рубеже, чтобы запечатлеть героев боев за освобождение столицы Белоруссии и рассказать об их опыте. Например, о том, как Дмитрий Георгиевич в ходе Белорусской операции довел к 6 июля, когда был представлен к званию Героя Советского Союза, боевой счет своего взвода до 7 уничтоженных вражеских танков, 9 самоходок, 6 артиллерийских батарей и 50 автомашин с живой силой. Причем из них два танка и три самоходных орудия командир уничтожил лично. К сожалению, Указ о присвоении Фроликову высокого звания (подписан 24.03.45) уже не застал его в живых. Отважный герой-танкист на 27-м году жизни погиб в бою 2 февраля 1945 года и похоронен в литовском городе Кибартае.

Поныне храню в своем сердце светлый образ этого мужественного и самоотверженно храброго офицера. С непроходящей горечью считаю его утрату невозполнимой. Народы хранят память о воине-освободителе Д.Г. Фроликове. Его именем названы улицы в

Минске и Барановичах, где установлены мемориальные доски. А в Коломне (Московская область), откуда Дмитрий ушел на фронт, установлен бюст Героя.

Вечером Москва салютовала войскам-освободителям 24 залпами из 324 орудий! В приказе Верховного Главнокомандующего с объявлением благодарности первым был назван наш 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. И это вызвало у тацинцев законную гордость. Ведь танковые бригады корпуса первыми из всех войск 3 БФ пронизали с боями город по трем направлениям и, деморализовав противника, не оставили ему никакой возможности изготавиться к сопротивлению даже на очень выгодном для его обороны рубеже по реке Свислочь. А какой урон ему нанесли! Так, только 4 гв. тбр на ближних подступах к Минску и в черте города, куда ворвалась самой первой, при поддержке других частей корпуса подбила и сожгла 13 танков и 4 самоходки, уничтожила 52 орудия и миномета, 12 пулеметных точек, 13 автомашин с радиостанциями и 550 грузовиков, 15 мотоциклов со связистами. При этом противник потерял убитыми около трех тысяч солдат и офицеров, еще около 1800 нам удалось взять в плен. В качестве трофеев бригада захватила 22 орудия, 200 автомашин и 38 складов с военно-техническим имуществом.

К ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ БЕЛОРУССИИ

Приказ Верховного Главнокомандующего с объявлением благодарности, принятый по радио, воинам 4 гв. тбр зачитали уже в пути: бригада, усиленная 401-м самоходно-артиллерийским полком и 8-м инженерно-саперным батальоном, устремилась на запад, получив боевую задачу, поставленную корпусу командующим 31-й армией, захватить важный узел дорог — город Ивенец (районный центр), что в 70 километрах от Минска, и переправы в том же районе через реку Волма. А там требовалось закрепиться до подхода основных сил корпуса. Эту задачу я получил еще на передовом КП корпуса в Минске. В пути мы не встретили организованного сопротивления противника. Только догоняли остатки его потрепанных механизированных частей и легко расправлялись с ними, уничтожили несколько танков и машин с орудиями на прицепах. При этом враг потерял до батальона пехоты убитыми, и еще около 300 солдат и офицеров мы захватили в плен.

Таким образом, наша бригада снова оказалась на острие броневангарда, действуя в качестве передового отряда Тацинского корпуса. И со своей задачей справилась успешно. В предрассветный час 4 июля я остановил нашу колонну на ближних подступах к Ивенцу, куда уже была послана разведка для выяснения обстановки. Вскоре возвратившиеся разведчики доложили, что город... совершенно пуст. Ни немцев, ни местных жителей! Последние, как позже выяснилось, большей частью ушли в леса к партизанам, а немногие оставшиеся прятались в подвалах. Гитлеровцы же не успели создать здесь каких бы то ни было оборонительных позиций, военная комендатура в панике бежала еще до наступления ночи.

По вступлении бригады в Ивенец я вместе с начальником разведки гвардии майором С. Сбитневым, пересев на «виллис», обследовал ближайшие окрестности города и принял решение западнее его оставить на позиции танковый батальон с ротой автоматчиков и батарею САУ 401-го самоходно-артиллерийского полка. Главные силы и командный пункт бригады расположить в трех километрах восточнее Ивенца, а для прикрытия с южной и северной сторон оставить по взводу танков и отделению автоматчиков. Отдельные танки с автоматчиками были высланы также для охраны мостов через Волму.

Когда расстановка этих сил была произведена, мы, возвращаясь ранним утром 4 июля с западной окраины города на свой КП, вдруг попали в очень опасную ситуацию. В открытом «виллисе», за рулем которого был гвардии старшина Валентин Соловьев, кроме меня и Сбитнева находился мой ординарец гвардии старшина Михаил Франасюк. Только что мы оставили танк с автоматчиками у моста через Волму почти в центре города и едва проехали неспешно в расветной дымке с полкилометра, как увидели впереди черные силуэты около сорока солдат, шагавших навстречу нам. Соловьев тотчас затормозил метрах в тридцати от них, и мы услышали настороженные вскрики на немецком языке, перемежаемые вполне понятными нам «Рус, рус!». Заклацали передергиваемые затворы «шмайсеров». Но и мы уже были в готовности. Похватав находившиеся под руками «лимонки», все четверо дружно швырнули их во врага. Взрывы прогремели чуть позже ударивших по «виллису» автоматных очередей. Однако никого из нас не зацепили — мы успели вывалиться из машины в кюветы по обе стороны узкой дороги и, отстреливаясь из автоматов, быстро поползли под прикрытие домов. На моем пути оказался палисадник. Под его прикрытием я переметнулся под стену здания, где обнаружил открытый люк подвала для угля. Тотчас скатился туда, а следом за мной — и Сбитнев.

Стрельба вскоре стихла. Вдруг слышу сверху негромкий голос ординарца: «Товарищ полковник, вы здесь?»

— Миша, — обращаюсь к нему совсем не по-уставному, — быстрее беги к мосту, бери танк и гони сюда!

Через несколько минут тревожную тишину нарушил лязг танковых гусениц. Тридцатьчетверка остановилась рядом с «виллисом», и мы поспешили к машине. Собрались все четверо. К счастью, никто

даже не ранен. Осмотрели автомобиль: мотор работает, а вот в ветровом стекле напротив сиденья водителя и моего — пулевые отверстия.

Подумалось: «Запоздай мы чуток — и...» От этой мысли по спине пробежал неприятный озноб.

Потом прошли мы вперед и наткнулись на несколько лужиц крови. Значит, гранаты прогремели не впустую. Наши автоматчики осмотрели все подозрительные места вокруг, однако, ни убитых, ни раненых не обнаружили. Видимо, на нас напоролись бывалые вояки, отошли организованно, подобрав пораженных в этой схватке сослуживцев. А что двигались в открытую, так подкупила тишина опустошенного города. К тому же, верно, никак не ожидали, что окажутся отрезанными на столь внушительном удалении от Минска. От внезапного ошеломления гитлеровцы даже не воспользовались покинутым нами «виллисом», хотя он остался почти не поврежденным, а главное — на ходу. По крайней мере, мы на нем, правда, теперь в сопровождении танка, благополучно прикатили на КП.

Тот начавшийся с короткого боя день оказался для меня радостным вдвойне. Понятно, во-первых, потому, что удалось выйти живым и невредимым из внезапной стычки с группой гитлеровцев. А во-вторых... Боевые товарищи горячо поздравили меня с присвоением звания Героя Советского Союза. Сообщение о соответствующем Указе Президиума Верховного Совета СССР они услышали по радио.

Характерно, что этот первый за период проведения операции «Багратион» «геройский Указ» на троих ее участников, на 3-м Белорусском фронте был издан в отношении меня уже на второй день после представления к этому высокому званию. Согласитесь, что такая сверхоперативность впечатляет и тем самым подчеркивает важнейшее значение стремительного освобождения танкистами-тащинцами столицы Белоруссии. Наряду со мной звание Героя получили командир 3-го гвардейского механизированного корпуса гвардии генерал-лейтенант танковых войск В.Т. Обухов (впоследствии генерал-полковник) и командир 7-й гвардейской механизированной бригады того же корпуса гвардии полковник М.И. Родионов (впоследствии генерал-майор). Первый умело организовал прорыв вражеской обороны в районе Витебска — Орши, в результате чего корпус в стремительном наступлении освободил город Лепель и, форсировав Березину, захватил плацдарм на ее правом берегу. А второй... Его

бригада особенно отличилась в ходе Витебско-Оршанской операции, когда первой ворвалась в город Лепель и при поддержке других частей освободила его от оккупантов.

Трудно передать чувства, которые обуревали меня, когда я получал поздравления. Гордость от получения геройского звания органически сочеталась с большой радостью за столь высокую оценку ратного труда моих боевых товарищей — солдат, сержантов и офицеров, которые проявили исключительное мужество и самоотверженность, совершив в тяжелейших условиях стремительный рейд по тылам противника, и первыми на плечах сокрушаемого, но все еще сильного врага ворвались в столицу Белоруссии. Недаром наша бригада вскоре была удостоена почетного наименования — Минская и награждена орденом Красного Знамени. Получая высокие награды, мы клялись еще напористей громить жестокого врага до полной победы над ним.

В Ивенце нам пришлось дожидаться подхода главных сил корпуса гораздо дольше, чем предполагалось. Вначале они, сосредоточившись в местечке Раков (почти на полпути от Минска до Ивенца), задержались более чем на сутки из-за запоздавшего подвоза горючего. Как оказалось, эта задержка пришлась, можно сказать, даже кстати, потому что из вышестоящего штаба поступило приказание пока воздержаться от дальнейшего продвижения на запад. Более того, вскоре командарм 31-й приказал генералу Бурдейному развернуть танковые бригады восточнее Минска на фронте более 70 км.

Правда, 25 гв. тбр к тому времени еще не вышла из боев и продолжала добивать остатки вражеских войск севернее Минска. А возвращать закрепившуюся далеко на западе, в Ивенце, нашу 4-ю бригаду было признано нецелесообразным. Поэтому первой отвернула на юго-восток 26 гв. тбр, а 25-я подошла к заданному району немного позже.

Чем же была вызвана необходимость такого перемещения танковых соединений? С 5 июля окруженные под Минском немцы, потеряв надежду на помощь обещанных Гитлером резервов извне, стали предпринимать отчаянные попытки самостоятельно вырваться из «котла» в юго-западном, южном и северном направлениях. Это стоило им огромных и напрасных жертв: если отдельным группам и удавалось прорваться с боем, они, обессиленные, неминуемо получали отпор в последующем. Иначе говоря, попадали под окончательный разгром. Тем не менее Ставка ВГК решила усилить войска для

ликвидации окруженной вражеской группировки. Вначале эта задача была возложена на соединения войск 2 БФ и 31-й армии 3-го Белорусского фронта, а затем — на 33-ю армию, переданную из состава 2 БФ в 3-й, и 31-ю армию, в составе которой вели боевые действия две танковые бригады 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. А 4-й гвардейской мотострелковой бригаде генерал Бурдейный приказал перекрыть все дороги в районе Ракова, чтобы в случае попыток прорыва вражеских групп в западном направлении тотчас ликвидировать их. Для этой же цели были привлечены и другие части корпуса: 79-й отдельный мотоциклетный и 51-й саперный батальоны.

Решительно и отважно действовали обе танковые бригады, зажимая и громя окруженного противника. Наступая в направлении восточная окраина Минска — Большой Тростянец — Березовка, 26 гв. тбр разрезала на две части вражескую группу из остатков 12-го армейского и 39-го танкового корпусов, возглавляемую командиром 12-го корпуса генералом Мюллером. Гитлеровцы сопротивлялись с яростью обреченных, страшась предстоявшего возмездия за свои злодеяния на белорусской земле. С пением гимна «Германия превыше всего» кидались в отчаянные атаки, с гранатами и огнеметами пытались прорваться к советским танкам, чтобы пробить брешь в кольце окружения. Несли большие потери, но жертвы были совершенно напрасными.

Ряд таких «психических» атак отразил 6 июля пулеметно-пушечным огнем и гусеницами танковый экипаж гвардии младшего лейтенанта Николая Ольшевского, уничтожив при этом до 60 гитлеровцев, несколько бронетранспортеров и две противотанковые пушки. К тому времени на боевом счету отважного командира-танкиста было уже 20 сожженных и подбитых танков врага, в том числе тяжелый «тигр» и самоходка, а также 8 уничтоженных автомашин с пехотой. Забегая вперед, хочу отметить, что за эти боевые успехи Николай Михайлович Ольшевский 24 марта 1945 года был удостоен звания Героя Советского Союза. К сожалению, Указ о звании уже не застал Героя в живых: 22.08.44 Ольшевский скончался от ран, полученных в бою.

Беспощадно громили окруженного врага и другие экипажи 26 гв. тбр. Причем потерь своей боевой техники бригада не имела благодаря тесному взаимодействию с подразделениями 173-й стрелковой дивизии — танки были со всех сторон хорошо прикрыты огнем ар-

тиллерии и пехоты. Свои автоматчики десантом на броне тоже действовали решительно и самоотверженно. Так, взвод гвардии младшего лейтенанта Александра Волкова (впоследствии Герой Советского Союза), поддерживая танкистов, уничтожил десятки гитлеровцев и захватил в плен пехотный батальон противника вместе с его командиром.

А с 25 гв. тбр так же надежно взаимодействовали 62-я и 174-я стрелковые дивизии 113-го стрелкового корпуса. Продвигаясь с боями из района Лошицы в направлении Новый Двор – Коралешевичи – Горки, танкисты завершали разгром окруженного врага на южной окраине города.

Последнюю попытку вырваться из «котла» вражеские войска сделали в ночь на 8 июля в направлении на Самохваловичи. Но, встреченные мощным огнем танков 2-го гвардейского Тацинского корпуса, а также артиллерийских батарей и стрелковых подразделений, вскоре вынуждены были прекратить кровопролитные атаки, а затем сложить оружие. В плен сдался и командир 2-го армейского корпуса генерал Мюллер. «Наше положение стало невыносимым, — показал он на допросе. — Мы оказались изолированными. Несли огромные потери. Были тысячи раненых. Их оставляли без всякого внимания, не имея возможности оказать помощь. Все голодали».

Недобитые остатки вражеских войск, рассеянные на мелкие группы, «зачищали» партизанские бригады и отряды, стянутые к тому времени к Минску.

Как известно, окруженный противник полностью капитулировал 12 июля. Но еще 9 июля 25-я и 26-я гвардейские танковые бригады, выполнившие свои задачи по разгрому врага в «котле», получили приказ идти на запад.

Наша 4 гв. тбр впереди главных сил корпуса еще раньше ушла из Ивенца. Время задержки в городе мы не потратили даром. Наши разведчики выяснили, что большой лесисто-болотистый район северо-западнее города контролируется партизанами, и вскоре установили связь с их штабом. А от партизан я узнал, что до войны через их район проходила довольно сносная и сравнительно прямая дорога. Но в начальном периоде фашистской оккупации народные мстители настолько ее разрушили, перекрыв разливами из ручейных запруд и завалами леса, что гитлеровцы с полной уверенностью посчитали этот район совершенно непроходимым для их войск. Мы же и на этот раз прибегли к помощи местных жителей. Получили ее

сполна. Бойцы саперного батальона при активном участии партизан довольно быстро восстановили нарушенные участки дороги и соответственно оборудовали колонный путь для безопасного прохода бронетехники и спецмашин — около 40 км с выходом на Бакшты.

Как только бригада получила сигнал «Вперед!», мы без задержки пересекли «непроходимый» район и внезапно для гитлеровцев атаковали их с ходу, выкатываясь из заболоченного леса с разворачиванием в боевые порядки. Как говорится, на плечах у отступавшего врага 4 гв. тбр прорвалась в район Вороново и 10 июля овладела этим укрепленным населенным пунктом, разгромив там значительные силы пехоты и танков противника.

Кстати, нашим колонным путем до Бакшты воспользовались 25-я и 26-я гвардейские танковые бригады, благодаря чему значительно сократили свой маршрут и уже 12 июля воссоединились в районе Воронова.

Вскоре войска 3-го Белорусского фронта, громя оккупантов, достигли западной границы Белоруссии, и на период с 16 по 27 июля 2-й гвардейский Тацинский ТК был выведен в резерв фронта. Тацинцы получили передышку от боев и маршей, в ходе которых наши тридцатьчетверки «намотали» на свои гусеницы по 1200 километров и более. Да каких трудных! Свыше 200 моточасов отработал каждый танк, и моторы продолжали оставаться в строю. Их конструкционно-производственная надежность подкреплялась отменным мастерством и напряженным самоотверженным трудом наших технических специалистов и всех экипажей. За весь период проведения Белорусской операции пополнения новой боевой техникой мы не получали, тем не менее бригада постоянно имела в строю до 40 танков. Однако часть из них уже требовала углубленного профилактического осмотра с последующим устранением неполадок и предпосылок к серьезным отказам техники.

Так что передышка была относительной. Благо что вражеские снаряды теперь не гремели рядом, да пули вокруг не свистели. А труд танкистам всегда по плечу, к нему не привыкать. К тому же первые дни выхода в резерв ознаменовались двумя торжественными событиями. Так, 16 июля правительство Белорусской республики провело в Минске грандиозный митинг трудящихся и партизан, принимавших участие в освобождении родной земли от гитлеровских оккупантов. На этот митинг были делегированы и представите-

ли 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, в их числе — танкисты нашей бригады, вскоре удостоенной почетного наименования Минской. Нашим делегатам довелось увидеть прошедшие в парадном строю партизанские соединения и отряды.

А на другой день мы узнали еще об одном грандиозном прохождении, которое я бы назвал «парадом позора»: 17 июля по улицам Москвы были проконвоированы 7600 солдат и офицеров вермахта, взятых в плен на полях сражений в Белоруссии. Вероятно, среди них были и около полутора тысяч гитлеровских вояк, сложивших оружие перед отважными воинами 4-й гвардейской танковой бригады. Считаю, что этим все-таки повезло, если сравнить их судьбу с концом тех более 4000 вражеских солдат и офицеров, встретивших смерть от огня и гусениц тридцатьчетверок нашей бригады на белорусской земле.

И этот праведный счет мести заклятому врагу мы продолжали наращивать в последующих ожесточенных сражениях в Прибалтике, а затем и в логове фашизма — Восточной Пруссии.

После освобождения Минска 4-ю гвардейскую танковую бригаду посетил известный писатель-антифашист Илья Эренбург. Еще в августе 1942 года он был зачислен почетным танкистом в лучший экипаж 1-го танкового батальона (командир экипажа лейтенант Алексей Соколов, механик-водитель старшина Иван Чмиль). И все эти годы Илья Григорьевич поддерживал переписку со «своими» танкистами, живо интересовался их боевыми успехами, подарил членам экипажа курительные трубки и табак «Золотое руно», которые раскуривались в особо торжественных случаях. При встрече он тепло беседовал с танкистами, а по возвращении из Минска в Москву выступил с яркой статьей «Путь в Германию», в которой так описал боевые действия корпуса и бригады:

«...Трудными лесными дорожками понеслись к Минску, обгоняя врага, танкисты-тацинцы. Партизаны им указывали путь, строили мосты. Полковник Лосик говорил: «Шли мы там, где только зайцы ходят». Работали над дорогой все — от бойца до генерала Бурдейного. За одни сутки прошли 120 километров, вышли в тыл отступающим немцам...

Тацинцы ворвались в Минск, когда в городе было еще много немецких частей. Они прорвались с восточной окраины к центру и дальше, к западной окраине, избавили многострадальный Минск от уличных боев.

Командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал армии И.Д. Черняховский прикрепляет орден Красного Знамени к Боевому знамени 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, отличившегося в боях за освобождение Белоруссии. На снимке: в центре – командующий БТ и МВ фронта Герой Советского Союза генерал-полковник А.Г. Родин, слева – член Военного совета фронта генерал-лейтенант В. Е. Макаров. Октябрь, 1944 г.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА ГЕНЕРАЛАМ И ОФИЦЕРСКОМУ СОСТАВУ
КРАСНОЙ АРМИИ**

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»:

1. Полковнику Лоскину Олегу Александровичу.
2. Генерал-лейтенанту танковых войск Обухову Виктору Тимофеевичу.
3. Полковнику Родионову Михаилу Носифовичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. КАЛИНИН**,
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. ГОРКИН**.

Москва, Кремль. 4 июля 1944 года.

Пожалуй, это самый оперативный «геройский Указ» по войскам 3-го Белорусского фронта. Здесь воспроизведена публикация в «Красной звезде» № 158 (5838), 5 июля 1944 г.

Рисунок Н. Авакумова воспроизведен с опубликованного в «Комсомольской правде» № 254 (5965), 25 октября 1944 г.

И.Д. Черняховский выступает на митинге личного состава 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Крайний справа – знаменосец, один из лучших механиков-водителей танка 4-й гвардейской Минской танковой бригады гвардии старшина Иван Чмиль. Октябрь 1944 г.

Командир 4-й гвардейской танковой Минской Краснознаменной ордена Суворова бригады Герой Советского Союза Олег Лосик (слева) со своим заместителем и другом гвардии подполковником Андреем Крыжановским. 1944 г.

Бесшменные на весь период войны ближайшие помощники командира 4-й гв. ТБр:
ординарец – гвардии старшина Михаил Франасюк (слева) и шофер командирской
машины гвардии старшина Валентин Соловьев

Известный писатель-антифашист Илья Эренбург (второй справа), зачисленный почетным танкистом в один из лучших экипажей 4-й гв. ТБр, в очередной раз навестил своих гвардейцев-ташинцев, интересовался их боевыми успехами и жизнью на фронте. На снимке: в центре – командир 2-го гв. ТК А.С. Бурдейный, второй слева – командир бригады О.А.Лосик. Восточная Пруссия, октябрь 1944 г.

Командир 4-й гвардейской танковой бригады ставит боевую задачу комбату – 1 гвардии майору Н. Масташову (второй справа) и комбату – 2 гвардии майору А. Радаеву (первый справа). Январь 1945 г.

Разведчики 4-й гвардейской танковой бригады после выполнения боевого задания – разведки подступов к оборонительному рубежу врага и танкопроходимых путей. Февраль 1945 г.

...Жители уже выходили из подвалов, приветствовали освободителей. Кажется, нигде я не видел такой радости, как в Минске. Вот что значит пережить три года немецкого ига. А танкисты-тащинцы уже далеко на западе...»

Там, на западе, на подступах к Кенигсбергу, мы снова встретились с писателем. Илья Григорьевич записал наиболее яркие боевые эпизоды, которые впоследствии нашли отражение в его книге «Люди, годы, жизнь». А в сентябре 1949 года, выступая по радио с пламенной речью «Слово о танкистах», Эренбург сказал:

«Есть часы счастья, связанные с пением жаворонка, с дыханием ребенка, с нежной речью. Для миллионов и миллионов людей воспоминания о часах счастья связаны с грохотом танков. Эти миллионы людей, будь то жители Ростова или Минска, Люблина или Праги, никогда не забудут, что свободу принесли им советские танкисты.

Есть много могил — от Волги до Альп, проходя мимо которых прохожие благоговейно снимают шапки — это могилы танкистов. За счастье друзей и сограждан, за щепотку родной земли и за величие родного дела отдали эти люди свою жизнь, и нет подвига выше...

На Эльбе американцы говорили, что наши танкисты — славные ребята. Это правда. Пусть те, кто были на Эльбе, это помнят. С нашими танкистами приятно встретиться другу. Другу, но не врагу...»

Мне, ветерану-танкисту, к этому хочется добавить: хорошо бы эти слова время от времени напоминать и нынешним потомкам тех, кто был в 45-м на Эльбе.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Открытие в Минске на бульваре имени Толбухина мемориального знака на месте гибели 3 июля 1944 года экипажа танка Т-34-85 гвардии младшего лейтенанта В.Е.Зенкина (4-я гв. Минская ТБр). 4 июля 1985 г.

Они обогащали фронтовым опытом проведения танковых рейдов и атак послевоенные поколения офицеров-танкистов, ставших слушателями Военной академии бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского. На снимке в центре – начальник академии Герой Советского Союза маршал бронетанковых войск О.А. Лосик, справа – первый заместитель начальника академии генерал-полковник П.Д. Гудзь, слева – заместитель начальника академии по учебно-научной работе генерал-лейтенант танковых войск П.В. Куревин. Москва, 1986 г.

На церемонии вручения Герою Советского Союза, маршалу бронетанковых войск
О. А. Лоסיку Грамоты, Знака и Ленты Почетного гражданина города-героя Минска.
Минск, 3 июля 1987 г.

В Минске на праздновании 40-й годовщины освобождения от гитлеровских оккупантов Белоруссии и ее столицы. 3 июля 1984 г.

На юбилейной встрече тацинцев в честь 40-летия со дня освобождения Минска от фашистских захватчиков. У микрофона – Герой Советского Союза полковник А.Б. Михайлов. Июль 1984 г.

Встреча с маршалом преемников и продолжателей славных боевых традиций 4-й гвардейской танковой Минской Краснознаменной ордена Суворова бригады, преобразованной в 4-й гвардейский танковый полк. 1989 г.

В военном городке 4-го гвардейского танкового Минского Краснознаменного ордена Суворова полка (преобразованного из 4-й гвардейской танковой бригады)

В казарме 4-го гвардейского танкового полка Забайкальского военного округа, в котором маршал бронетанковых войск О. А. Лосик является Почетным солдатом

Встреча с отличным экипажем 1-й танковой роты 1-го танкового батальона
4-го гвардейского танкового полка в Забайкалье. 1992 г.

Встреча с женами офицеров 4-го гвардейского танкового полка в гарнизоне
Забайкальского военного округа. 1992 г.

Возложение венков к Вечному огню на центральной площади Минска. Июль 1989 г.

Торжественное шествие по проспектам города-героя Минска в ознаменование 45-й годовщины освобождения Белоруссии от фашистских захватчиков. Идут ветераны четырех фронтов-освободителей. В первой шеренге (седьмой слева) – маршал бронетанковых войск О.А. Лосик.

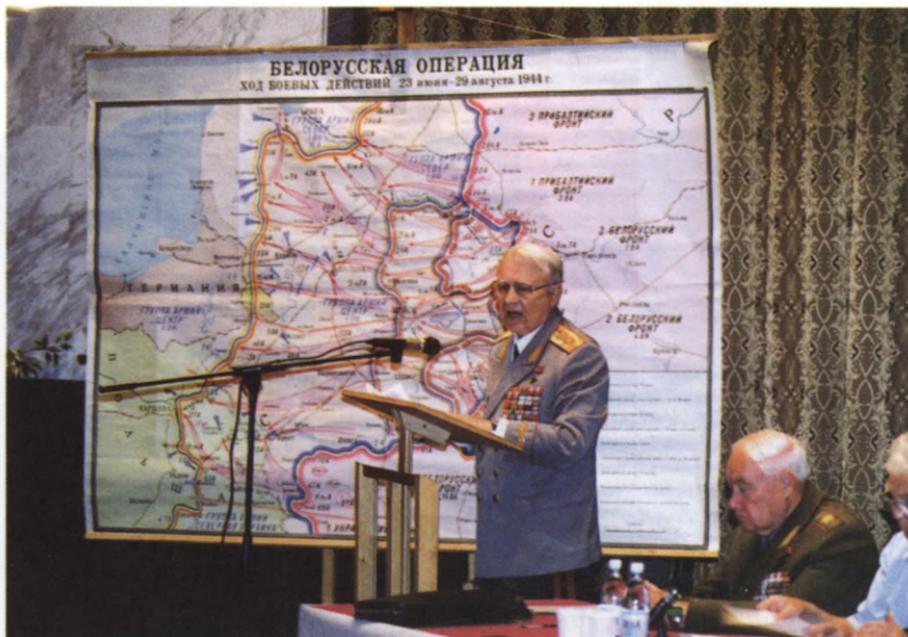
Встреча ветеранов 4-й гвардейской Минской Краснознаменной ордена Суворова танковой бригады собрались в ЦПКиО, в Праздник Победы. Москва, май 1992 г.

Встреча ветеранов 2-го гвардейского Ташинского танкового корпуса в Праздник Победы 9 мая 1992 года в Москве у здания Военной академии бронетанковых войск под боевыми знаменами своих прославленных гвардейских бригад

Памятный снимок маршала с ветеранами медицинской службы 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса в Праздник Победы. Москва, 9 мая 1992 г.

Выступление с докладом перед военными атташе, аккредитованными в Москве в дни празднования 50-летия Белорусской операции. 1994 г.

В гостях у О.А. Лосика председатель Минского горисполкома В.В. Ермошин и его заместитель А.В. Балакирев Июль 1998 г.

50-летие освобождения Белоруссии и ее столицы г. Минска (1994 г.). На снимке Почетные граждане города-героя Минска: в центре – маршал бронетанковых войск Герой Советского Союза О.А. Лосик, слева – народный врач Белоруссии, заслуженный деятель науки, лауреат Государственной премии, академик НАН РБ и многочисленных международных академий, член-корреспондент РАМН (на фронте – военфельдшер 25 гв. ТБр) И.П. Антонов, справа – Герой Советского Союза подполковник в отставке Н.И. Колычев (25 гв. ТБр)

Гвардии полковник в отставке М.Д. Чубарев – председатель Совета ветеранов
2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Жуков Г.К. **Воспоминания и размышления.** 12-е издание, том 3. Издательство «Новости», 1995.

Василевский А.М. **Дело всей жизни.** Политиздат, 1974.

Великая Отечественная война. Книга 3. Военно-исторические очерки. Издательство «Наука», 1999.

Освобождение Белоруссии, 1944. Под редакцией А.М. Самсонова. Издательство «Наука», 1974.

Бурдейный А.С. **В боях за Родину.** 1 Рукопись, 1987.

Стученко А.Т. **Завидная наша судьба.** Воениздат, 1964.

Тимохович И.В. **Битва за Белоруссию 1941–1944.** Издательство «Беларусь», 1994.

Шарипов А.А. **Черняховский.** Воениздат, 1972.

Васильев Н.И. **Таинский рейд.** Воениздат, 1969.

Эренбург И.Г. **Люди, годы, жизнь.** Издательство «Художественная литература», М., 1966.

*Герой Советского Союза
Герои Советского Союза*

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ	5
ПЕСНЯ ТАЦИНЦЕВ. РЕЙД «БЕЛЫХ СТРЕЛ»	7
ВВЕДЕНИЕ	9
В ПРОРЫВ СЕВЕРНЕЕ ОРШИ	25
В БОЯХ НА ГЛАВНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ	47
МОСТЫ, МОСТЫ... В ОГНЕ – БЕРЕЗИНА	56
СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ РЕЙД К МИНСКУ	70
КАК БЫЛ ОСВОБОЖДЕН МИНСК	77
К ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ БЕЛОРУССИИ	94
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	127

Обнаруженные опечатки:

Страница	Напечатано	Читать
52	О. Нестеров	С. Нестеров
57	4 гв. мсрб	4 гв. мсбр
57	23 гв. тбр	25 гв. тбр
58	интервале	удалении
65	запал	запад
69	2-ю бригаду	25-ю бригаду
69	2 гв. тбр	25 гв. тбр
71	2 гв. тбр	25 гв. тбр
87	в нескольких направ- лениях танковые до- зоры	в нескольких направ- лениях выслал танковые дозоры
92	Ажтонишка	Антонишка
92	Максимове	Максимова

На постаменте изображенном на обложке книги надпись:
 «Доблестным воинам 4-й гвардейской Минской
 Краснознаменной, ордена Суворова II степени танковой
 бригады 2-го гвардейского Тацинского Краснознаменного
 ордена Суворова II степени танкового корпуса вступившим
 первыми в город Минск 3 июля 1944 года при освобождении
 его от немецко-фашистских захватчиков».

